

АНАСТАСИЯ РОДЗЕВИЧ

СВЕТЛОМЕСЬЕ

СЛЕДУЙ ЗА МЕЧТОЙ, ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ

Звезды молодежного фэнтези

Анастасия Родзевич

Светлолесье

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Родзевич А.

Светлолесье / А. Родзевич — «Издательство АСТ»,
2022 — (Звезды молодежного фэнтези)

ISBN 978-5-17-148847-5

Лесёна — чародейка пути Разрушения в мире, где законы давно одержали верх над чарами, а правосудие вершат жестокие жрецы. Но древние руны зазвучали снова! Предания гласят, что в Светлолесье вернется его подлинный повелитель — Полуденный Царь, и именно от его воли будет зависеть исход противостояния. И надо же такому случиться, что в это беспокойное время на Лесёну обратили свое внимание сразу и могущественный колдун, и жрец-каратель, и сама Богиня — Крылатая. Теперь уж ей и ее друзьям придется пройти не меньше сотни дорог, чтобы разобраться в хитросплетениях потаенного мира чар... Судьбе — вопреки, Соперникам — благодаря, И даже если Боги любят пошутить!

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148847-5

© Родзевич А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

1	10
2	20
3	33
4	41
5	51
6	57
7	64
8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анастасия Родзевич

Светлолесье

Copyright © Анастасия Родзевич, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Светлолесье – это не книга. Это целый мир. Он родился куда раньше, чем пришел в него ты, путник. Он будет жить и после того, как ты покинешь его. Он живой, настоящий; он дышит и кровоточит.

Он огромный и таинственный. Чтобы познать его, придется умереть и родиться заново вместе с героями. Но в то краткое мгновение, когда ты нырнешь в его воды, когда закрутит тебя чародейский водоворот, когда легкие до отказа наполнит его воздух, ты станешь кусочком мозаики Светлолесья.

Светлолесье – это целый мир. И он позволит познать часть себя, когда ты откроешь эту книгу.

Даха Тараторина, писательница

Яркая многослойная история про путь во всех его смыслах – к родным землям, к дому и к себе. Герои Светлолесья живые: они совершают ошибки, оступаются, идут на поводу собственных чувств, и потому им веришь и надеешься на счастливый финал. Только к концу первой книги понимаешь, что для счастья им придется пройти немало препятствий и пережить много трудностей, особенно в преодолении себя.

Светлолесье похоже на наш мир: в нем есть знакомые мотивы славянских сказок и мифов, отголоски прежних былин про богатырей и великих героев. И тем не менее это совсем другой мир. Со своими законами и магией, которая порой не такая уж и добрая, какой прикидывается. Но разобраться, где правда, а где ложь, мешают не только высшие силы, но и собственные чувства героев. Наблюдать за хитросплетениями их судеб так же интересно, как за их путешествием по миру Светлолесья.

Ксения Хан, писательница

укажет, как разрывать нити жизни и рушить связи

ПУТЬ РАЗРУШЕНИЯ

АРФ
руна
прямой силы

ДАРИЦА
руна
помехи

ДЫХАНИЕ
НОЧИ
руна призыва

РАЗРЫВ-
ТРАВА
руна размыкания

ПЕПЕЛ-РУНА

восстань из звездного пепла

ткет из нитей жизни новые полотна

ПУТЬ СОЗИДАНИЯ

ЗАСЛОН
руна щита

ЖИВА
руна призыва

ЯВЬ
руна
сотворения

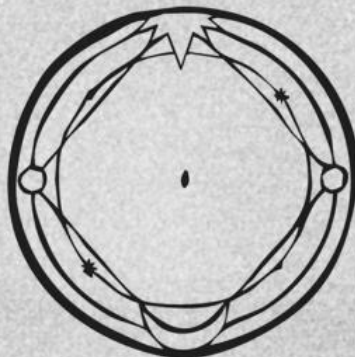
ОЛЕСЬ
руна
сращивания

яви крылья воли и духа

обращает страх в мосты между мирами

ПУТЬ ПРЕВРАЩЕНИЯ

СПЛЕТЕНИЯ
И
РУНЫ
ЭТОГО ПУТИ
УТРАЧЕНЫ

иди сквозь морок души и тела

1

Серебряное солнце

«Нас окружают боги», – так говорили мне.

А еще говорили, будто Аскания не всегда была миром Обожженной земли; что далеко на севере Светлолесья, на стыке гор и тумана, стоял когда-то город колдунов, в чьих сердцах еще не гнезвился порок; что рощи были священны, обряды – не осквернены кровью, а чужь не утаскивала людей под землю...

Какие горькие сказки!

Теперь есть только червенцы, червонные жрецы. И только один бог – Единый.

А все колдуны прокляты.

Если старые боги действительно нас окружают – им все равно.

Лес, через который мы шли, был стар и густ. Дорога виляла меж корней и кустов, мош-кара слепо тыкалась в мой плащ. Ноги привычно гудели от долгой дороги, а весенний ветер охлаждал щеки. Сколько нам еще осталось до корчмы? Я оттянула въевшийся в плечо ремень переметной сумы и вздохнула.

– Лесёна, смотри под ноги.

Я перепрыгнула торчащий корень и благодарно кивнула наставнику. Точнее, его спине: Фед шагал впереди с таким упорством, будто ничего на свете не требует такой отдачи, как извилистая тропа под ногами.

– Далеко ли до города?

– К выступлению успеем, – сказал Фед, не оборачиваясь. В полный рост он возвышался надо мной на две головы и со спины вообще походил на вышибалу, а не на музыканта – если б не гусли, которые он заботливо придерживал.

– Жду не дождусь, – буркнула я.

– Все еще обижаешься, да?

– Мы почти не упражнялись.

Он все-таки остановился и обернулся с усталым видом. Сквозь чашобу волос с трудом угадывалось лицо: бывшие когда-то красивыми черты оплыли, на лбу поселился мрачный залом, а некогда васильковые глаза выцвели в невнятный серый. Под рубахой мелькал оберег с янтарным камнем – единственное яркое пятно среди этого безобразия.

– Ты заставил меня целый день ходить по лесу вместо того, чтобы как раньше плести руны, – не выдержала я. – Так я ничему новому не научусь.

Мы нарочно выбирали места для учебы в самых удаленных, диких местах острова, но Фед все равно не давал мне вволю поколдовать. Боялся.

Это было жестко, даже жестоко – сказать ему об этом так.

– Думаешь, это все шутки? – наставник усмехнулся. – Думаешь, я последний разум потерял?

Я смолчала. Вместо ответа Фед прижал палец к губам и закрыл глаза.

– Солнце сегодня кровавое, – проговорил наставник. – И ветер... Слышишь, поднялся?

Весь день над нами проплывали диковинные клочки облаков, но вдали колыхалось одно, особенно приметное, будто город с маковками теремов, разбивающимся на краю неба в белую дымку. Облака поменьше и побыстрее летели к нему. Но вот солнце зашло за облако, и из слепящего круга проступила башня, вонзившись острием в небеса.

Мне вдруг подумалось: так мог бы выглядеть Нзир-Налабах, утраченный город колдунов. И на самом верху, на краю уступа, показался бы Он. Полуденный царь.

Я не знала, как Он выглядит – никто не знал. Тот, кто может все изменить, тот, кто должен... Стоит на вершине самой высокой башни исчезнувшего города. Ждет? Пересчитывает горящим взором свою рать? Я присмотрелась к маленьким облачкам: не то звери, не то змеи-аспиды, не то чужь... Его рать? Любая, лишь бы не Чудова.

Когда у тебя нет своего прошлого, кажется, будто можно присвоить любое. Поэтому, должно быть, я так любила сказки Феда. В одной из них говорилось, что однажды в Светлолесье вернется его подлинный повелитель – Полуденный царь, царь колдунов – и приведет своих заблудившихся собратьев домой. И пред ним преклонят колени и люди, и колдуны, и чудовища.

Я выросла на легендах о Полуденном царе. Он стал моей второй жизнью. Я думала о нем, когда тряслась в телеге, когда засыпала в стоге сена, когда танцевала на потеху публике, когда, засыпая, укрывалась жупаном наставника. Когда шла через облетевший лес, а ветер пригоршнями бросал в лицо первый снег. Когда слышала, что кого-то снова заклеямили за колдовство. Когда Фед остриг мне косы. Когда схватили Елара... Полуденный царь стал моей мольбой. Он стал моим заклинанием, проник в кровь, отравил ее надеждой.

Каждый из нас верил в него. Каждый из нас в глубине души ненавидел себя за эту надежду. Но нам ли не знать, как далеки сказка и быль?

И все-таки, как будет выглядеть наш царь? Узнаю ли я его, если увижу? Должно быть, глаза у него невиданные. Такими ни один человек смотреть не может. Я знала это, верила. Ведь тот, кто способен менять нити у стольких судеб, не может быть таким, как все.

– Лесёна! Слушай.

В тенистой чаще леса мерцали яхонтовые капли цветов медуницы, шумела молодая листва, вправду шептала что-то. Я напрягла слух, надеясь разобрать. В вышине трещали раскачиваемые ветром деревья. Их протяжный стон не сулил ничего доброго, ведь, согласно поверьям, то плакали души несчастных, навеки заключенные внутри... Не стоит думать о таком. Не здесь, не сейчас.

И все же я кивнула.

– Нити сплетаются для того, чтобы быть услышанными, – сказал наставник. – Настоящее колдовство всюду заплетено.

Он сорвался на бег – я, конечно же, за ним.

Когда дорога сквозь бурелом кончилась, мы спустились в овраг. Под коркой засохшего мха и покрытыми лишайником валунами обнаружился поваленный деревянный идол. Разбитый. Фед присел рядом с ним, очистил от прели и веток. Неужели этот голос наставник слышал сквозь листву? Неужели боги все еще говорили с нами?

– Лесёна.

Я отмерла и села рядом. Вместе, молча, мы быстро сняли мох. Под ним обнаружился женский лик. За головой богини остались надломленные, но угадываемые крылья. Перья, высеченные каким-то древним мастером... Колдуном? Колдуны служили когда-то богам, людям и миру.

– Кто она?

– Крылатая. – Наставник подался вперед. – Управительница ночей, ветров и нитей жизни.

Хозяйка нитей в овраге, расколота пополам. Плохой знак. Как давно она тут лежит? Три сотни лет, должно быть. С тех пор, как появились жрецы и заговорили о Едином. С тех пор, как они начали охотиться на колдунов и чужь... Да, не все жрецы убивают, лишь те, что носят алое и именуют себя червонными. Есть среди жрецов лекари и книгочеи, предпочитающие белоснежные одежды, а также несущие слово Единого кроткие служители в сером – им и вовсе ни к чему смущать людские сердца. Они даже отказываются от родовых имен и носят на лицах покровы. Столько жертв! А все одно: почему-то эти три Ветви служения Единому, пришедшие на смену трем Путям колдовства, подарили Светлолесью лишь три века раздора.

Фед накрыл раскол ладонью и застыл молчаливой громадой.

Когда трещина срослась, он вынул из сумы бурдюк и каравай, налил на краюху меда и оставил рядом с богиней. Я достала горсть сушеных яблок, поднесла дар и привычно потянулась к скрытому в глубине образу горящих глаз Полуденного царя... Допустил бы он такое? И тут же почудилось, будто в ответ на меня устремился чей-то тяжелый взгляд.

Дальше мы шли, не оборачиваясь. На пути встречались только заросшие мхом межевые камни и круги мухоморов перед ними, но мне казалось, будто кто-то идет вместе с нами. Крутая дорожка вела все дальше вниз, в лес, где качали лапами и скрипели на ветру вековые ели. Сумрак догонял нас, а деревья все не кончались. Давно остался позади идол. На сей раз мы забрались слишком далеко от города...

Фед тоже чувствовал тревогу.

– Успеть бы дотемна.

Земля становилась рыхлой, бурьян доедал остатки ровной дороги, и наставник явно опасался, что в таких местах нас подстерегут разбойничьи ватаги.

Но вот впереди мелькнула деревянная, похожая на чешую, черепица постоянного двора. Донеслась мужицкая брань и суета, а затем показалось переплетение узких городских улочек. Наша корчма стояла неподалеку, на окраине леса. Постоялый двор при ней был полон: многие решили переждать здесь темную ночь. У коновязи толкалась дюжина коней, но когда Фед заметил знамя, остановился.

– Идем в обход.

Я шумно вздохнула.

– Фед, ну...

С крыльца сошли три оружных мужика. Я запнулась. Оружные мужики в алых плащах – значит, охотники на колдунов, червенцы, то есть... Мазнув взглядом по Феду, замершему перед воротами, они тоже остановились. Один махнул рукой:

– Гусляр! – Заметил, значит. – Как ты вовремя! В этой глуши можно подохнуть со скуки!

Фед натужно – почти взаправду – улыбнулся. Это он умел. Качнулся с пятки на носок и еще разок взглядом пересчитал постояльцев.

– Вы тут с ночевой?

– Как глава решит. Мы с братьями глянули бы скоморохов или еще кого из ваших. Есть кто?

Приврал, конечно. Жрецы терпеть не могли скоморохов и лицедеев. Слишком много шума, слишком много неудобной правды. Я подавила злую усмешку. Теперь ясно, отчего весь день знамения сбивали нас с пути: как бы небеса не разверзлись, если мы разделим кров и хлеб со жрецами. Отчего их столько собралось здесь? Зачем им Сиирелл? На этом острове и без колдунов беззакония хватает.

Вслед за жрецами мы вошли под крышу длинного дома. Там, за накрытыми столами, уже сидели постояльцы. Я насчитала десять человек в алых плащах и двух в белоснежных. У всех, если приглядеться, на спинах нашито око. Знак Единого.

Фед запел про Мечислава, первого жреца. Довольные червенцы разошлись по углам. Наставник пел про то, как царь-колдун пошел войной на мир, и мир погрузился во тьму.

По одну сторону ствола мирового Древа покоится Светлолесье, по другую – Аскания. Таков мир людей и колдунов, Срединный.

В ветвях Древа, Верхнем мире, живут боги и праведники, а чужь и неупокойники обитают в корнях, в Нижнем мире. Все пребывало в согласии до тех пор, пока колдовской царь не подчинил себе Чудову Рать, и твари неживые не понеслись по земле, обращая все в прах.

Фед пел про то, как появился среди людей воин, Мечислав, как одолел он царя-колдуна. Как Чудова Рать, оставшись без предводителя, перегрызла сама себя, а те, что уцелели, искали защиты у других колдунов. Тогда Мечислав сказал людям, что силу ему дал Единый – бог

богов, и они больше не должны искать у колдунов помощи или к какому богу подольститься. Что теперь следует истреблять все чудное, как и колдунов.

Я не стерпела, вышла во двор. У всех свои герои. И жрецам надо во что-то верить, прежде чем отнять у кого-то жизнь. Так они спокойно спят по ночам, веря, что Единый оберегает их от гнева старых богов, пока сами они хранят мир от колдунов.

Я обошла длинный общий дом и вскарабкалась по притулившейся у стены березке на крышу. Душный вечер перекатывался к ночи, а я все еще ощущала на коже чей-то прилипший взгляд. В груди ныло странной тоской.

Да и ночь будет темной, непроглядной: на это всегда указывал особенный, ярко-алый закат. К такой ночи не подготовиться, не угадать. Когда она опускается, все живое покорно замирает. Будто голодная чудь все еще рыщет по миру. Говорят, в начале времен ночи не были такими темными и не рассекала густую тьму полоска алого, будто кровь, сияния – Червоточина. Жрецы вообще не мудрили с названиями: все природное, красное, величавое по-своему нарекали. Но Червоточина появилась задолго до них, и кто поспорит, откуда она взялась? Давным-давно, говорят, висела над морем – в той стороне, где раскинулись обожженные земли Аскании.

Жрецы говорили, будто в такие ночи колдуны гневили Единого. В народе верили, что луну и звезды похищали змеи-аспиды, ведь как ни крути, а ночь без светила – воровская и нечестивым делам покровительствует. Так и повелось: как случится ночь с Червоточиной, так жди беды. Но про это хорошо певцы вроде моего наставника сказывали, не я.

Я знала только, что в ту ночь, когда Фед нашел меня, Червоточина тоже подмигивала Светлолесью узким глазом. Наставник говорил, будто случайно заметил выброшенную на берег моря девочку. Но разве случайно девочка оказалась колдуньей? И почему из прошлого у нее с собой оставались только свежие отметины на запястьях? Клеймо в виде ока, знак жрецов.

Может, и мою память кто-то украл? Ответов до сих пор нет. Семь зим я глядывалась во всполохи алого, ждала, когда морок отступит, потому что разорванные небеса порой напоминали мне о разлуке с кем-то важным из моей прошлой жизни. Я видела во снах угрюмого парня с темными волосами, густыми бровями и прямым носом.

За семь зим я узнала немало всего, но так и не приблизилась к пониманию, кто он мне. Брат, друг? И почему иногда память подсовывала образ его, задыхающегося от дыма, бьющегося в пламени? Может, раз царапина небесная ведала недолями человеческими, то и о моей рассказать могла?

Смешно. Разве есть древним знамениям дело до нас? Я, наверное, ничуть не разумнее детей, раз верила в сказки, и не лучше червенцев, раз надеялась, что Червоточина связана со мной. Кем бы ни был тот парень, его больше нет. Мне повезло, что меня нашел Фед: видимо, не время было Крылатой обрывать мою нить жизни.

– ...Кони тревожатся, поди проверь, – раздался голос. Я прильнула к крыше и свесилась вниз. Говорил жрец, приметивший нас у ворот, – любитель песен.

– Закат кровавый. Не ровен час, приманим лихо...

– Думаешь, здесь колдуны?

Слово выпало из него и будто зависло в воздухе. Они замолчали, заерзали. Произнести – почти что позвать. Колдунов никто звать не станет. Но что, если жрецы уже опоздали?

Червенец помахал перед лицом знаком Единого, будто отгоняя призрак слова. Трусливый оказался, надо же.

– Балда! Видишь, Единый послал тучу? Сейчас затянет небо, да и сотрет все дурные знаки.

– А...

– А! Велено уезжать. Проверим другие места.

Жрецы разошлись, а я откатилась от края.

Повезло. Чем меньше их рядом, тем спокойнее Фед.

Я засобиралась вниз. Нехорошо, если ливень застанет меня на крыше: вот промокну или, того хуже, испачкаюсь, и придется выступать перед гостями в старой рубахе с заплатками. Это сначала скажется на выручке корчмы, а после – на мне самой. Хозяйка «Вольного ветра» не терпит, когда наемная плясунья плохо развлекает купцов, ведь какому купцу понравится глядеть на замарашку?

– Подождал бы ты, дождик, хоть чуточку!

Босыми ногами перепады деревянного настила чувствовать было легче, поэтому я стащила сапоги, перевязала их за тесемки между собой и закинула на шею. Обычно я ловко карабкалась по крышам, но случались и обидные промахи, будто нарочно кто дурным глазом глядел.

В том году случай и вовсе нелепый вышел. Пока я караулила на крыше первые звезды, два молодых наемника залезли в окно нашей кладовой, а на выходе столкнулись со мной. Зачем лезли – кто теперь разберет? Да только упали мы втроем точнехонько на крыльцо «Вольного ветра». Ох и натерпелась я тогда! Мало того, что сломала ногу и не могла танцевать, так еще и хозяйка едва не прогнала, убытки повесила. Фед вылечил меня одним касанием целебной руны, но в назидание заставил лежать, разыгрывать из себя хворую целых два месяца. Только и на этом наставник не остановился: откопал где-то красноносого жреца с целым ворохом берестяных грамот в трясущихся руках. Жрец каждый день потом приходил читать мне Закон, да не на языке Светлолесья, а на асканийском! К исходу срока я сносно изъяснялась на двух наречиях, понимала устройство жреческого быта и питала стойкую неприязнь к проходимцам-наемникам.

Дождь усилился и забил косою стеной. На узких улочках портового города все искали спасения: прохожие забегали в купеческие лавки, толпились под навесами. Качались бельевые веревки, с которых хозяйки стаскивали намокшие простыни и рубахи; стихли кошацье мяуканье и зазывные крики лоточниц. Сквозь шум дождя слышались только редкие удары колокола на маяке.

Со всей возможной скоростью я пробиралась по сухой полосе, что еще оставалась на крыше, и почти достигла спуска, когда пальцы второпях скользнули по мокрому бревну, а зацепиться не успели.

Подумалось, что еще два месяца я лежать не стану и лучше сломаю руку, чем ногу. Хорошо, что чудь не услышала, а боги пощадили, и я свалилась в ворох соломы перед коновязью, оставшись невредимой. Лишь трава колола в спину да ладони саднило от отдачи.

В воздухе надо мной дождь гасил случайно вырвавшееся колдовство. Искры с противным шипением исчезали одна за другой.

Вот так раз. Обычно, чтобы сплести заклятье, у меня уходило довольно много времени, а тут на тебе: от страха рука сама сплетение повела...

Вдруг рядом раздался дружный смех. Я обернулась. Рядом стояли три воина, и у одного в руках виднелись мои сапожки. Должно быть, поймал их, когда я летела с крыши. Нечего сказать, хороши молодцы – девица в беду угодила, а они тут как тут, руки к ее вещам потянули!

Не успела я испугаться, как меня ухватили за подмышки и подняли на ноги. Воинов было трое, и то, что они наемники, стало ясно по виду: черные безрукавки, выбритые виски, развязное поведение – словом, все, чего одиноким девицам вроде меня следовало бы остерегаться. А потому, едва почувствовав под ногами холодную грязь, я подняла ворот плаща и опустила глаза.

– Эх-эй, девчоночка, куда это ты спешишь? Уж не к нам ли на праздник? – спросил другой. – Смотри, всю одежду не растеряй!

– Благодарю, – не дрогнувшим, к моей гордости, голосом сказала я и попыталась пройти. Не тут-то было: наемники преградили дорогу.

Двое довольно рассмеялись, а тот, который держал сапоги, проговорил:

– Постой, мы с тобой раньше нигде не встречались? Лицо кажется знакомым...

Если кто-то успел заметить нечаянное колдовство, мы с Федом оба пропали.

Колдунов нынче нигде не жаловали. Наколдуй что-нибудь в Светлолесье – и бед не оберешься. Здесь, в Сиирелл, нравы проще, но тоже, если прознают, добра не жди. Любую хворь, любую недостачу на тебя спишут да погонят, только успевай от камней уворачиваться. А нет – так и червенцев позовут.

Пока я размышляла, сумею ли добежать отсюда до двери в корчму, один из наемников схватил меня за ворот.

– Нет!

Я вывернулась, запнулась и, кое-как поднявшись на ноги, бросилась бежать. За спиной раздался хохот.

– Эй! Ты чего? – кричали они вслед. – Мы же пошутили! Приходи на Калинов Мост, сапожки заберешь!

Нет, не беру. Я неслась, пока не скользнула в дыру в заборе, за которым прятался заброшенный сад.

Оглянулась, но погони не последовало. Тогда я выбралась на петляющую меж яблоневых деревьев дорогу, снова остановилась.

Что-то было не так.

Все менялось: туманная дымка легчайшей завесой окутывала заросший сад; город вдаль так и вовсе размылся в блекло-золотом мареве. А небо... Грохочущее, тревожно-близкое, оно нависло над городом. Где-то над морем еще оставался клочок небесного багрянца да сливочный пух не тронутых бурей облаков, но ветер безжалостно гнал их, перемешивая с тучами. Закатное солнце с трудом пробивалось сквозь узкие прорехи. Колдовской, таинственный свет.

Все вокруг – и сад, и я – замолкло, притаилось.

Звучала лишь песнь воды, и пахла она травой и морем. Казалось, природа пребывала в сладостном сне, чего-то ждала. Дождь – словно передышка, за которой грянет нечто большее.

Вдруг небо над головой громыхнуло громче прежнего.

Я вздрогнула и обернулась...

Никого.

Капли скользнули за шиворот и вернули к яви: что ни говори, а добром моя рассеянность кончиться не могла.

Я снова побежала, не опасаясь забрызгаться грязью. Каменистая дорога вела вверх по безлюдному саду. Но мне казалось, рядом есть кто-то. Присутствие чужака чувствовалось так же ясно, как и сырость на отвороте плаща.

А вдруг это снова наемники? Вдруг кто-то из них все же видел мое колдовство? Да и червенцы где-то рядом вынюхивают.

Если бы не случай на улице, я бы сто раз подумала, прежде чем прибегать к чарам, но теперь, не выдержав, нырнула за яблоню. Для защиты сплела заклинание, соединив нити дерева с моими.

– Яблоня, – прошептала я, прижимая ладони к шершавому стволу. – Укрой меня!

Я – земля, я – яблоня. Мои корни переплетены с другими деревьями. Дождь сбивает мои лепестки, те падают в лужи и собираются в белые островки.

Лепестки плывут по зеркальной глади, и в той отражается грозное сиирелльское небо.

Дыхание – неровный ритм, чувства – острее клинка. Каждая тягучая капля, коснувшись листьев, ощущается и мной.

– Покажи мне то, что видишь ты, яблоня.

Вода в лужах расходится кругами, я вижу, как дрожит воздух. Вижу, как кто-то двигается сквозь дымку по горячим, прогретым за день камням...

– Покажи мне. Покажи мне того, кто идет за мной.

Близко!

К ступням прильнул холод, и колдовство, такое поспешное и слабое, сорвалось. Лепестки яблони обратились в пепел и опали черными хлопьями на землю.

– Что за...

Я вскочила, готовая пустить в ход и зубы, и кулаки, но чувства вновь сыграли со мной недобрую шутку: ни толпы свирепых наемников, ни еще кого похуже рядом не оказалось. И, только опустив взгляд, я увидела маленький чешуйчатый хвост меж корней дерева.

– Ящерица!

Вот так встреча. Это многое объясняло.

– *Аррадо маос!* Здравствуй. Чего это ты меня так напугала?

Я присела на корточки и протянула ладонь. Ящерица тут же вскарабкалась, цепляясь коготками за кожу. И на ее спине, вдоль выступающего гребня, я увидела крошечный сверток.

Ящерица – посыльная от Совета. Старшие колдуны Обители нечасто баловали нас своим вниманием, но если уж дождался вестей – жди перемен.

Безлюдный сад и наемники мигом забылись.

Я распутала узел и сняла сверток. На письме была нарисована руна, гласившая, что предназначалось оно совсем не мне, а моему наставнику.

– Что за шутки? – помрачнев, поинтересовалась я у чешуйчатой гостьи, но та лишь склонила голову набок и легонько шлепнула меня хвостом по запястью. – Тебе было лень к нему идти, что ли?

Ящерица повторила шлепок.

– А... Он же занят, – догадалась я. – Что ж, надо скорее найти его.

Я спрятала послание в потайном кармане наручей, усадила посыльную на плечо и поспешила дальше по тропе. Уже покидая сад, оглянулась: последние лучи солнца мазнули по деревьям и крышам неистово-красным.

Вновь никого.

Но одно я знала точно: предчувствие не подводит.

Что-то все же произойдет.

Когда я подбежала к корчме, ветер поднялся такой, что вывеска над дверью угрожающе раскачивалась, и железные петли скрипели на все лады.

Зато внутри было тепло и шумно. Я стащила плащ, быстро, пока никто не заметил, сунула его под лестницу и отправилась на поиски наставника. Червенцы уже уехали, но на первом ярусе толпились постояльцы и крепко пахло курительными смесями. Фед лениво потягивался у очага, когда я украдкой вытащила послание и помахала перед его лицом. Рука наставника потянулась было за ним, но замерла.

Меня охватила досада.

– Тебе совсем не интересно?

– Выброси, – наконец выдал из себя Фед.

– Ну уж нет. Ты слишком долго горевал, пора что-то менять!

Я вскрыла печать.

– Здесь только одно слово, – с досадой пробормотала я. – Линдозеро. Ты знаешь, где это?

Наставник выхватил послание у меня из рук. Но в его глазах мелькала усталость, а не злость.

– Мне нужно подумать... А тебе нужно переодеться. Может, неспроста здесь червенцы рыщут.

Сгорая от досады и смутной тревоги, я выбежала из зала. Чудь побери эти недомолвки! Я добралась до своей комнаты и захлопнула дверь.

Место, в котором прячутся колдуны, закрыто от мира. Мало кому из них позволено путешествовать по Светлолесью. В Обители, укрывшись под скалой, они живут среди отсыревших

свитков запретного ремесла и пытаются сберечь то небольшое, что стояло когда-то за словом «колдун». Нам с Федом повезло: мы искали легенды. Слухи, сказки, крупницы знаний, что оказались рассеяны по миру после того, как жрецы утвердили свою власть. Сегодняшнее послание – несомненно, призыв вновь отправится в путь... Но только захочет ли Фед последовать по нему? Раньше наставника больше всего интересовали слухи о Полуденном царе, он усердно собирал все, что было с ним связано, но после гибели Елара прошло больше года, а Фед до сих пор не оправился.

Я на ощупь добралась до окна и рывком распахнула ставни. На улице царила густая темнота, и лишь Червоточина зависла над миром незаживающей царапиной. Я с силой хлопнула ладонью по подоконнику, и на нем тут же зарделись подпалины. В воздухе повис едва уловимый запах гари, заставив меня отшатнуться.

Вот, значит, как: на страх и гнев явились чары.

Даже самый нерадивый ученик из Обители знает: колдовство – вовсе не добрый гость в доме; оно не является по первому свисту и уж тем более не нянчится с девичьими бедами. А я и так сегодня потревожила его понапрасну. Остается только надеяться, что запальчивость не навлечет еще большей беды на мою глупую голову.

Но не успела я испугаться собственных мыслей, на подоконнике появилась давешняя ящерица. Она покрутилась на месте моего деяния, поскребла его коготками, а потом воззрилась на меня немигающим взглядом, в котором явно читался укор.

– Лесёна, все собрались! И Фед заждался... – в мою комнату вломилась невысокая юркая Ося, подавальщица в корчме.

– Спустишь, когда буду готова!

– Когда хозяйка сказала, что наряд должен быть вызывающим, то не имела в виду вызывающим сострадание...

Я зажмурилась и промолчала. Вступить в перепалку с подавальщицей – все равно что бросить вызов самому взбалмошному наемнику. Ося имела довольно свирепый вид из-за своей раскраски: чересчур старательно подведенные углем брови и нарумяненные свекольным соком щеки. Впечатление немного портил потешно встопорщенный пушок над верхней губой.

– Змея!

Свет из коридора все еще резал мои глаза, но я обернулась на ее вскрик и увидела, как в трещине между рамой и стеной исчезает медный хвост.

Ося опасливо глядела на окно, а потом посмотрела на меня исподлобья.

– Ты что, змей привечаешь?

– Приходится, – пробормотала я. – А вот ящерице больше повезло, она сбежала.

Ося укоризненно цокнула языком. Суседки, банники, лешие и весь их народ давно уже ушли из Светлолесья, но люди до сих пор помнили нечисть, а некоторые еще и нутром чуяли колдунов.

– Ну-ну. Может, сказать хозяйке, как твой папаша нынче бутыль ардэ свистнул? Раз так любишь словами вертеть, расскажешь ей историю, достойную десяти златых.

– Я лучше расскажу историю про то, как вы с Федом эту самую бутыль вместе уговаривали.

Ося помрачнела, но смолчала. Покидать мою комнату она, видимо, не собиралась, потому что неспешно прошлась и сунула нос в каждый угол, словно у меня и правда водятся змеи.

«Ну смотри», – зло подумала я и отвернулась. Ощувив знакомое покалывание в руках, постаралась успокоиться. Но не выходило.

– Тут весь пол в грязных следах, – заметила Ося. – Это с тебя столько накапало?

– Ося, какого чудня ты тут забыла? – в свою очередь поинтересовалась я и открыла сундук с одеждой.

Настроение стремительно ухудшилось, хотя, казалось бы, некуда. Но ничто так не удручает, как бесплодная попытка отыскать в сундуке что-нибудь подходящее – без заплат и потер-тостей.

– Ладно тебе бухтеть, Лесёна. Сколько можно делать вид, что все хорошо? Я знаю твою тайну.

От неожиданности я грохнула себе по пальцам крышкой сундука.

– К-к-какую... тайну?

Смятение жаром растеклось по груди, и мой голос заметно задрожал. Ося же растянула губы в понимающей усмешке.

– Тебе замуж хочется. Прямо не могу, вот на всех и срываешься.

Меня взяла оторопь, да такая, что я позабыла обо всех тревогах.

– Я это понимаю, как никто. Мы ж с тобой, – продолжала Ося со снисходительной небрежностью, – обе сочные, сильные и, чего уж греха таить, красивые девицы двадцати восьми лет...

– Мне семнадцать.

– И потому надо быть заодно.

Ося торжественно замолчала.

– А заодно в чем? – уточнила я.

– В поисках любви! – воскликнула подавальщица с такой не поддающейся разумению интонацией, что меня совсем озадачило. – А, погоди-ка...

Она выбежала из комнаты, но вскоре вернулась с красной тканью в руках.

– На, примерь, – велела она. – Должно быть впору. Ну, чего смотришь?

– Из тебя не выветрился ардэ, что ли?

– Да нет же! Просто Фед попросил подыскать тебе одежду, а тут как раз в лавку напротив завезли...

Я уже не слушала, рука сама потянулась к наряду. Длинная рубаха в пол цвета рдяной листвы, с воротом, расшитым дешевенькими деревянными бусинами. Она была слишком броской для улиц, но в самый раз для выступлений. Что ж, пусть алый цвет давно переплелся с червенцами, но сейчас этот оттенок отчего-то пришелся мне по душе.

– Не знаю, как насчет поисков любви, но с нарядами сегодня складывается.

– Смейся-смейся, – ответила Ося с укоризной. – Все изменится, когда сыщется и на тебя мужик впору.

– Он что, сапог, что ли, чтоб впору быть?

– Вот найдешь, тогда поймешь.

– Ну и много ли ты сапог перемерила, чтоб свой найти?

– Главное – итог, – уклончиво ответила Ося.

Я пожалала плечами и сняла старый наряд, затем поборолась с узкой горловиной нового и подпоясалась плетеным ремнем.

Ося же и не думала уходить и наблюдала за мной с таким видом, с каким обыкновенно ходила меж рядов на торжище. Не обращая внимания на мое более чем неприветливое молчание, она подмигнула.

– Вот вроде красная девка, – Ося потрясла в воздухе руками, будто призывая небо в свидетели, – и все при тебе: грива волнистая да шелковистая, глаза – два янтаря, а мы с бабами языки стерли гадать, в чем подвох и почему мужики тебя обходят, как колодец оплеванный. Будто, не к доброму часу будет сказано, чародейка-акудница какая! – Она в задумчивости поскребла подбородок и припечатала: – А просто, оказывается, язык-то у тебя бедовый совсем. Мужики такое страсть как не любят. От души советую чаще помалкивать, а то ты со своими гадами ползучими, снующими по грязным углам, и так не подарок!

Ося схватила со столика гребень и потянулась к моим волосам, приговаривая:

– Положись на меня, я все устрою! Такую невесту сделаю, женихи в очередь выстроятся.

– Ося, не стоит! Мне и с ящерицами хорошо.

Я отстранилась и, оправив всклокоченные волосы, выскочила из комнаты. Перепалка с Осей отвлекла, и теперь можно было не опасаться внезапного колдовства. Но хорошенького понемногу, ведь послание, каким бы оно ни было, призывало нас с Федом немедленно отправляться в путь.

– Да я тебя так сосватаю, сама себя от счастья не узнаешь! – долетел мне вслед хрипловатый окрик подавальщицы.

Жаль, что я не восприняла слова Оси всерьез. Но тогда мне было еще невдомек, что чужая назойливость может причинить не меньше бед, чем колдовское письмо.

2

Плохой день для сватовства

«Вольный ветер» разрывался от наплыва посетителей, ступени с перекладиной мелко дрожали, и подгоняющий клич хозяйки не заставил себя ждать:

– А ну, спустились быстро, дармоедки островные! Повыгоняю всех к чудовой бабушке!

Мимо меня по шаткой лестнице пронеслась Ося. Подхватив юбки, она резво перепрыгнула последние две ступени и убежала в трапезную.

Я поплелась следом.

Хозяйские комнаты «Вольного ветра» – да и гостевые тоже – не отличались чистотой: на потрескавшихся, ржавого цвета стенах светил только один заляпанный отпечатками свечей, и вокруг него, сталкиваясь в воздухе, сонно гудели мухи. Пол устлала стеганые коврики, которые наверняка застали те времена, когда в этом заведении еще не разбавляли напитки. Через приоткрытую дверь хозяйской комнаты виднелось болтающееся на веревке исподнее корчмарки.

Фед сидел на деревянном ящике, в окружении бочек с солониной.левой рукой он поддерживал гусли, а правой рассеянно перебирал струны.

– Мы поедем в Линдозеро?

Вместо ответа Фед отставил в сторону гусли и встал.

– У меня для тебя подарок, – вдруг сказал он и вытащил из-за пазухи ленту с камнем.

Фед надел на меня оберег, с которым раньше не расставался: крупный янтарь с вкраплениями потемневших искр. Не раз и не два святоборийские каменных дел мастера предлагали за него неслыханные деньжищи, но в какой бы нужде мы ни оказывались за все эти годы, Фед отказывался его заложить или продать, а тут...

– Обрато не приму. – Фед угадал ход моих мыслей. – Этот камень особенный, колдовской. Я не разобрался, как он работает, но подозреваю, что пару раз спасал мне жизнь. – Уголки губ наставника снова дрогнули. – Носи его.

Я коснулась тяжелого и холодного камня.

– Это откуп?

Фед нахмурился, а я рассмеялась, но смех ударился невпопад о темные углы коридора и затих прежде, чем открылась дверь в трапезную.

Томор, корчмарь, держал стопку пустых кружек. Вместе с ним ворвался сизый дым и громкие вопли посетителей.

– Что, прохлаждаетесь? – пожурил он нас. – Толпа собралась, не продохнуть. Давай, царица наша, начинай колдунство.

Никто в «Вольном ветре» не знал, что мы с Федом колдуны, но иногда, не иначе как из баловства, кто-нибудь шутил так в нашу сторону.

– Чушь, Томор! Хоть и свои все, а поберегись такими словами разбрасываться! Червонных и в Сиирелл полно, – отозвался наставник, не сводя с меня пристального взгляда.

– Идите, убытки вы мои ходячие, – сказал корчмарь и выдворил нас из коридора.

Год выступлений в «Вольном ветре» подарил нам не только ворох сплетен, но и постоянных зрителей, так что здесь теперь всегда толпились наемники и торговцы. Фед занял привычное место на ящике, а я встала позади него и оглядела трапезную.

В центре гудела пирушка. Ося шепнула, что всех угощает купец в красивом асканийском кафтане. Богатый гость уже свел знакомство с местными девицами и перебрасывался лихими историями с нашим вышибалой Эртом. Менее удачливые торговцы разбрелись по углам с чарками медовухи. За тремя столиками вдоль стенки сидела крикливая ватага наемников. Один

из них ухитрился даже полапать хозяйку, за что был выдворен глазастым Ортом – братом Эрта, тоже вышибалой.

Фед начал петь про забытый град, город колдунов, существовавший давным-давно в Светлолесье. Это была одна из песен, после которых в корчме обычно творилось что-то совсем невообразимое.

Колдуны прошлого повелевали миром, а нам не дано распоряжаться сегодняшним днем.

Едва выждав положенное вступление, я сделала резкий взмах головой, и гости отступили на полшага вглубь «Вольного ветра», освобождая место для танца.

Не думать!

Пусть тело ведет вперед. Оно знало, что делать. Как повести плечами, как очаровать зрителей хороводом блеска и бусин, как колыхнуть юбкой так, чтобы во всполохе танца нечаянно выглянул кусочек обнаженной кожи.

Я вскинула руки, и колокольчики ответили звоном металлических голосов.

Я извивалась, смеялась, птицей перелетала с одного края круга на другой.

Ритм ускорился, движения – тоже. Ноги все реже касались пола, словно подо мной были не выщербленные старые доски, а обжигающие стопы угли.

На ресницах дрожали пот или слезы, уже не разобрать. Да и неважно оно. Фед двигался к развязке, а я вместе со зрителями слилась в единый поток. Всякий, кто не успел отвести или прикрыть глаза, – пропал.

Я кружилась на месте, подгоняемая разгоряченными криками зрителей.

Фед рвал струны и вместе с ними наши души.

Я упала на пол, не в силах выдерживать ритм, но успела вывернуться и распластаться в ногах наставника.

Время танцевать!

Время жить!

И пусть на миг вернется былое.

«Зачарованный лес», вслед за ним – «Царевна-бродяжка». Пока звучали предания, колдовство бурлило под кожей, отзываясь на музыку. Мало умели теперь чародеи. Они, как зыбкие тени прошлых столетий, остались лишь напоминанием о дивных созданиях и тех временах, когда люди и колдуны жили вместе.

Личина уличного певца или плясуньи помогала переплетать судьбу человека и колдуна. Как сладкое маковое молоко для тех, кто не смирился с жизнью изгнанника, она помогала убаюкивать себя мыслью, что творить чары можно иначе.

– Устала? – с участием в голосе поинтересовался Томор, когда закончилась музыка.

Я кивнула. Сердце колотилось, перед глазами плыло – я все еще была по ту сторону легенд.

– Ладно, отдохни, – благодушно разрешил корчмарь и добавил: – Помоги Осе с сухарями.

Ничего. Скоро все кончится. И песни, и сухари.

Я вынесла из кухни две миски и принялась расставлять угощение на столах.

Вдруг дверь корчмы, едва не слетев с петель, с силой ударила о стену: таким оказался ворвавшийся в заведение ветер.

Мои волосы поднялись, а затем, послушные невидимой воле, опали обратно. Я заслонила ладонью глаза, с недоумением ощутив, как сквозь пелену дыма повеяло не солоноватым, водорослевым запахом улиц Сиирелл, а ароматом терпких благовоний с легкой примесью гари, какие обычно жгут в муннах. Со столов полетел, закладывая воздушные кренделя, пепел и мелкий сор. У одного из купцов сдуло со стола шапку, и он, ругнувшись, отправился ее поднимать. Его собутыльник, чьи вещи миновала подобная участь, засвистел и велел корчмарю поскорее сделать что-нибудь с этим безобразием.

Вышибала Эрт поймал красноречивый взгляд хозяина и затворил дверь, ладонью помогая ей встать в расшатанный косяк. В это время Фед ни на мгновение не прерывал искусной игры, вплетая все происходящее в свое представление.

– Я встречу, как старых друзей, ветра, что несут с собой первый снег; пир из трав и пыльцы для них приготовлю. Время, когда ветра дуют с севера, – это еще и время, когда летние истории вызревают в нас зернами небылиц. Я буду смотреть, как нежный иней устилает поля, и буду сеять в землю сказки. Воет ветер, словно музыка. Звучат слова, будто колыбельная. Ток самой земли замедляется. И ветер поет: истории нужны нам, странник, нужны, как колыбельная...

Лицо наставника лучилось весельем. Довольно крякнув, он щелкнул суетящуюся рядом Осю по венуку в руках, за что, на радость собравшимся, им же и схлопотал.

– Не к добру штормит, – буркнул кто-то. Я молчаливо согласилась с этим, потому что входная дверь шаталась и скрипела с каждым порывом все сильнее.

Старожилы острова рассказывали о том, что корчма получила название в честь шальных морских ветров. Перед штормом на улицах Сиирелл носились предвестники бури, суля роковые перемены тем, кто встретится им на пути.

– Еще и ночь воровская. Вот наказанье-то!

Лучины в корчме резко потемнели: огонь уменьшился, а над самой верхушкой изъеденных копотью светцов поплыл чад. Нарастала непонятная, смутная тревога. Я поставила миску, и купцы радостно запустили в нее руки, не обратив никакого внимания на сгущающийся полумрак. Гомон и музыка стали глуше, но и тогда никто и ухом не повел – все продолжали заниматься своими делами. Фед с упоением играл, Ося подметала, корчмарка с кем-то ругалась, пока Томор – ее благоверный – протискивал золотой в засаленный отворот кафтана.

Перед входной дверью резко потемнел воздух, но все вокруг, даже вышибалы, вели себя по-прежнему и в эту сторону даже не смотрели.

Но я шагнула туда. Раздался чей-то вздох. За ним – шепот на непонятном наречии.

Звуки «Вольного ветра» с каждым шагом становились все тише, выцветали, как забытые на солнце в погожий день ткани. Дверь, и без того сотрясающаяся от порывов ветра, зашлась мелкой дрожью. Я подошла ближе и увидела, как сквозь щели между досками пробился холодный, едва мерцающий, зеленоватый туман. Новый вздох раздался совсем близко, и я обернулась: рядом, там, где раньше стояли стол и лавка, теперь вихрилась тьма, и из нее проступал образ сплетающихся в каком-то диком, животном ритме, мужчины и женщины.

– Это...

Видение опалило щеки пламенем стыда. Я уставилась на незнакомцев, на то, как на обнаженную кожу и складки одежды ложился ровный, блекло-изумрудный свет. Лица были не видны, но что-то в их облике казалось смутно знакомым.

Дверь скрипнула и приоткрылась, и светящийся зеленый туман втек в корчму. Дух благовоний и гари усилился, я почти слышала сухой треск горящих свечей. И ощутила всем своим нутром, что там, за порогом, в штормовой сиирелльской ночи кто-то стоит. Присутствие чужака выдавала ломкая тень, упавшая на косую полоску света. Через мгновение клубящаяся зелень поглотила и ее, но тень не исчезла.

Я коснулась шершавого засова.

Сердце зашло в бешеном ритме, а в полумраке ему ответил другой, не менее быстрый, ритм.

Ну же...

Ну же!

Ледяной металл кусал пальцы.

Раздался женский, исполненный бесстыдного сладострастия стон.

Я вздрогнула и в страшном смятении отскочила от двери, но... Никого.

Тьма исчезла. Мужчина и женщина пропали. Растворились в задымленном воздухе, словно и сами были его частью.

В суеверном ужасе я перевела взгляд на дверь, но она была плотно затворена, и зеленый туман исчез вместе с тенью.

Лучины горели ровным пламенем.

Я закашлялась: нос защекотал тяжелый запах.

– Ты чего? – спросил долговязый Эрт. – Пристает кто? Только скажи.

– А те двое? – резко спросила я, указывая пальцем в опустевший угол. – Куда они делись? Парочка, что сидела здесь?

– Не было тут никого, – помотав головой, ответил вышибала. – Может, смесей курительных надышалась, вот и привиделось! Я и сам иногда у корчмарихи то хвост ослиный увижу, то уши...

– Нет. – Я вытерла тыльной стороной ладони покрывшийся испариной лоб. – Я точно видела!

– Завтра в мунну сходи на всякий, – посоветовал Эрт.

Как во сне, я зашла на кухню и трясущимися руками взяла новую миску. Мои мысли вернулись к изломанной тени, оставленной кем-то на пороге. Вернувшись в зал, с трудом заставила себя снова взглянуть на тот угол. Стол, где мне недавно привиделась парочка, был занят. За ним пиновала компания из нескольких причудливо одетых людей, на одном даже была маска лиса, похожая на те, что носят в Светлолесье на зимний Солнцеворот.

Я подошла и поставила перед гостями миску.

– ...в Линдозере это ваше я ни ногой! – скрипуче произнес тот, что носил маску лиса.

– О Единый, ты опять историю эту станешь рассказывать. Сколько можно?

– Чудь там завелась, клянусь! Нос на улицу по вечерам показать страшно, в лесу ухает что-то.

– Ты это... потише! Червенцы свое дело знают, разберутся.

Внутри зазвенела, просачиваясь сквозь многоголосье корчмы, тугая мысль: это все неправда. В Светлолесье не осталось ни чуди, ни ее мест. Даже Обитель колдунов превратилась в усыпальницу.

Моя рука замерла в воздухе, и я украдкой взглянула на гостя в маске: его глаза озорно блестели. Я невольно улыбнулась, а он вдруг взял, да и подмигнул в ответ.

– Есть такие места, где все иначе, – произнес гость. – И то, что ты ищешь, ждет тебя в Линдозере.

Я замерла.

– Кто ты?

– Скоро узнаешь, – выдохнул он.

Я вдруг поняла, что все ряженные за столом молча глядели на нас.

Что бы ни происходило этим вечером в корчме, оно явно не собиралось останавливаться, странности следовали с такой частотой, что даже нерадивые ученики вроде меня должны были отринуть все сомнения и с подобающим благоговением просить помощи.

– Прочь, прочь!

Оберег на моей груди потяжелел.

Внезапно дверь корчмы рвануло с петель: в открывшемся проеме стояла тьма, а высоко в небе дышала жаром кроваво-красная Червоточина. Я шагнула назад, но оступившись, больно ткнулась головой о балку.

– Госпожа, с вами все хорошо?

Подошел асканиец, что недавно болтал с Эртом. Он положил ладонь мне на спину так бережно, словно я была тонкой былинкой, которую вот-вот сомнет ветер.

– Да, – едва слышно вымолвила я и обернулась на наставника. Фед чуть сузил глаза, но игры не прервал.

Стол вновь опустел. Наваждение, если это действительно было оно, исчезло. Как такое произошло?

– Ты чудно пляшешь. – Купец придержал меня за руку и нагнулся ближе, заглядывая в глаза. – Меня зовут Колхат, – вдруг произнес он. – Посидишь со мной?

Я застыла, но тут Ося нырнула между столами и начала ловко сметать рассыпавшиеся на пол сухари. Это простое, привычное действие помогло мне опомниться. Я с надеждой оглянулась на корчмаря, но тот, хоть и мигом поскучев лицом, кивнул. Томор не любил, когда меня дергали гости, но внешний облик некоторых вселял в него надежду на вознаграждение. Если это, конечно, были правильные гости.

Колхат был именно таким: отправил погулять девиц, а потом велел Осе принести кувшин лучшего вина, запеченную с пряными травами семгу и пирогов с медом.

Примирившись с неизбежным, я уселась за стол и рассмотрела асканийца повнимательнее. Расшитый золотой тесьмой кафтан небросок для такого места, как Сиирелл, но не всякий разглядел бы его подлинную стоимость. А она скрывалась в деталях: за одну только золотую булавку с рубиновым навершием, что небрежно торчала у петлицы, можно было выкупить весь «Вольный ветер» со всеми его протертыми половиками.

Да и сам мужчина вблизи выглядел как герой из сказки, а не купец. Таких угольно-черных волос и прозрачных глаз не встретишь ни на одном торжище, а такой холеной бородке наверняка позавидует сам царь Святобории.

– Расскажи сперва о себе. – Ухватив кувшинчик, Колхат щедро наполнил наши кружки. – Единый знает, какое пойло тут считают лучшим. М-да, явно не ардэ.

Я жестом отказалась от угощения, хотя во рту было сухо, и на мгновение почудился привкус гари. Каждый раз, когда неведомого становилось слишком много, я без раздумий шла к наставнику, и теперь каждый миг промедления отзывался во мне тревогой.

– Я простая танцовщица из Сиирелл.

– На этом острове никто не может быть простым, – сказал Колхат и, заговорщически подмигнув, осушил кружку. – Давно ты здесь?

– Не помню точно. – Я сделала вид, что припоминаю. – Кажется, несколько месяцев.

– А я искал того, кто расскажет мне местные истории. Это моя слабость.

Колхат явно мог позволить себе местечко на две головы лучше этого и все же был здесь. Что бы он ни рассчитывал найти, это явно не стоило и половины его булавки. Да и, похоже, из асканийского у него только кафтан и был, даже в говоре слышались наречия разных мест. Тех, что знала я.

Сколько стоит история, которую он ищет? Этот вопрос, спрятанный во внешнем облике, причинял мне излишнее беспокойство. Именно то, чего я сегодня собиралась избегать.

– Наш хозяин, – я кивнула на Томора, – с удовольствием расскажет вам все слухи.

– Кто сказал, что меня интересуют слухи?

– Значит, я ошиблась.

– За ошибки платят, – живо отозвался Колхат.

– Да, но только у меня нет еще одного чуда.

– Чудная история подойдет.

– Тогда вам точно нужно послушать нашего певца, – сказала я и поднялась.

Но Ося водрузила еду на стол, а себя – на лавку рядом со мной, тем самым перекрыв путь к отступлению.

Колхат приподнял брови, а Ося воскликнула:

– Господин, позвольте мне рассказать!

Если бы я знала, что это будет за история, то залезла бы под стол и попыталась спастись бегством еще до ее начала.

История оказалась обо мне.

– Поверьте, господин, еще зиму назад никто не знал, какой цветок распустится под этой крышей, – свои слова Ося сопровождала раскладыванием пирогов по тарелкам. – Когда Лесёна появилась, она походила на голодного мальчишку, а не на девицу. Я постаралась научить ее добродетелям...

Мне вдруг отчаянно захотелось провалиться сквозь землю, особенно когда зазвучала часть с перечислением этих самых добродетелей. Благо, она была краткой, зато часть о «прочем» грозила перерасти в нескончаемый перечень. Ося входила в раж, не замечая, как стекленеют глаза слушателей.

Утешало одно – не пришлось ничего придумывать. «Чем меньше болтаешь с незнакомцами, тем лучше, – говаривал Фед. – Неизвестно, что у них на уме и какие выводы они могут о тебе сделать». Наблюдательность – то качество, которое наставник с меня спрашивал в полной мере и в котором я временами полностью его разочаровывала.

Вот и сейчас я поздно поняла, к чему Ося все это устроила и отчего проявила такое участие к моей судьбе.

– Ну конечно! – охнула я и, поймав вопросительные взгляды Оси и Колхата, нашла глазами Феда.

«Сапог, значит... Ага». Стал понятен и наряд, и нарочито громкий смех подавальщицы рядом с Федом, и такое участие ко мне: она надеялась сбить «дочку» с рук, чтобы облегчить себе быт с моим «папашей»! Устроить, так сказать, свою судьбу через мою. Ося была не единственной охотницей за сердцем певца, но явно самой находчивой. Так его еще никто не добивался.

– ...а то, что ящерицы у нее ползают, так это и отвадить можно. Если господин не чурается, я знаю одну бабку-шептунью...

– Ося, довольно, – резко сказала я с такой неприятной и натянутой улыбкой, чтобы даже бесхитростный человек понял, что выступление окончено. – Господину вряд ли интересны такие вещи.

– Мне интересно ардэ, – добавил Колхат.

– А, сейчас...

Ося поджала губы и вышла из-за стола. У Колхата в глазах плясали веселые огоньки.

– Ящерицы, – серьезным тоном повторил он. – И часто тебя пытаются сосватать первому встречному?

– Первый раз. – Я улыбнулась.

– У тебя есть родители?

– Отец. – Я кивнула на Феда. – Не уверена, что он приложил к этому руку. Если бы приложил, рассказ получился бы интересней.

Колхат смотрел на Феда, задумчиво поглаживая бороду, а я попыталась угадать ход его мыслей. Девушки при таких заведениях, как это, редко могли рассчитывать на удачное замужество. За их честь мало кто мог поручиться, да и брать в жены уличную плясунью без приданого могут только купцы из сказок Феда.

– Нелегко быть девицей, – сказал Колхат, и я поняла, что не ошиблась. – И вдвойне труднее, когда приходится прятать свой ум.

Его слова польстили, но он продолжил:

– В мире для разумной девицы низкого происхождения мало проторенных дорог. И идти по ним опасно, если девица к тому же хороша собой.

– Но и вполтину не так опасно, как приходить в «Вольный ветер» с золотом и без охраны.

Колхат улыбнулся, обнажив ровный ряд жемчужных зубов. В этот миг я была очарована его речами, хоть и понимала, что он вьет сеть. Но мне хватало самодовольства думать, будто я вижу его насквозь.

– Охрана нужна скорее тем, кто задумал недоброе против меня. – Колхат усмехнулся и подался вперед. – Видишь эту булавку? – Купец показал на украшение. – Она смазана ядом.

Я попыталась скрыть удивление, но вряд ли это хорошо получилось. Я была слишком взволнована.

– Но как ты, господин, сам еще не поранился?

– Я привез этот яд из Аскании и каждый день принимаю его понемногу, чтобы тело привыкло. – Колхат отхлебнул из кубка и одарил меня новой улыбкой.

– Как... чудно!

Я вперилась взглядом в булавку. Если иметь подобное, странствия по миру обретут подобие безопасности. Фед не желал, чтобы я училась обращению с ножом, но мне хотелось уметь постоять за себя.

Было, конечно, еще колдовство, но от него всегда больше бед, чем проку.

Я украдкой покосилась на дверь корчмы.

– Знаю, что тебе нужно. – Колхат рассмеялся. – В Аскании есть общины, где девиц обучают особым ремеслам. Даже боевым.

– С моей сноровкой я бы сама напоролась на булавку. Фед говорит, что я растяпа.

– Твой отец? Может, он хочет, чтобы ты сама так думала. – Колхат пожал плечами. – Аскания отличается от Светлолесья. Там земля цвета заката. Девы носят шелк. – Он небрежно щелкнул ногтем по кружке. – А гостям подают первосортные напитки и сырны лепешки. Ты знаешь, что именно в Аскании изготавливают вещицы из стекла? И не просто бутылки, а настоящие украшения! А еще там по ночам распускаются цветы, сияющие в темноте. Все – от мала до велика – гуляют в лунные ночи...

Пока Колхат рисовал словами образ заморской страны, я попыталась представить, как мы с Федом наконец-то отправляемся вместе на поиски слухов о Полуденном царе. А вдруг в Линдозере меня и правда ждет нечто важное? Вдруг все эти видения – долгожданный ответ на мольбы не только мои, но и всех колдунов?

– А где это Линдозеро? – спросила я.

Колхат осекся, а потом его взгляд стал внимательнее и жестче.

– В Святобории, одном из царств Светлолесья, – проговорил он изменившимся голосом и добавил знакомым мягким тоном: – Захолустье. Зачем тебе Линдозеро?

Произнесенные слова, будто капли на запотевшем стекле, набрякли, обрели смысл и сложились в предчувствие. Кто-то невидимый встал за спиной, жарко шепча: «Уходи. Уходи».

Я бросила быстрый взгляд на злосчастный стол в углу, но там опять никого не было.

– Да так, люди болтают...

– Какие люди?

Сама не зная, что происходит, я пересела на краешек лавки и, делая вид, будто убираю со лба волосы, смахнула со стола кувшин. Я не сомневалась, что где-то в это самое мгновение корчмарка клянет меня со всеми потрохами до седьмого колена.

– Прошу прощения!

Но Колхат и здесь не растерялся. Когда я подбирала под столом черепки, он присел рядом.

– Только один танец. И я расскажу тебе все, что захочешь знать.

Образ замка на облаках и его хозяина еще не успел померкнуть. Я замешкалась.

– Любой вопрос?

Колхат подал руку. Я поколебалась под его испытующим взглядом, надеясь услышать что-то существенное. Мне все еще казалось, будто понимаю, для чего ткется паутина.

Когда купец вел меня в центр корчмы, отовсюду летели быстрые взгляды: довольный Осин, сердитые хозяйские, удивленные от постоянных гостей. Но больше всего мне понравился взор Феда, такой же острый и живой, как раньше.

– Почему все на нас так смотрят? – спросил Колхат, тоже заметив такое пристальное, почти неприличное внимание.

– Это можно объяснить тем, что вы выпили все имеющееся в наличии ардэ и до сих пор на ногах. Ну или тем, что я ни с кем не танцую.

– Хм! Я польщен. Так или иначе.

Фед играл вступление к одной из самых мудреных своих песен – «Весть о Полуденном царе». Она была так хороша, что разошлась бы по всему свету, если б наставник играл ее чаще. Одна из моих любимых, конечно же. Тягучая, тоскливая и оттого кисло-сладкая, как ягода жимолости, лопающаяся на языке.

Колхат взял мои ладони в свои и уверенно повел по дуге вдоль зала. Я почувствовала древесный и слегка перечный запах его волос. Колхат будто обладал особой силой без труда подчинять все вокруг своим желаниям.

– Солнце в ладонях... Возвещает о приходе нового дня, – повторил Колхат за Федом строчку песни. – Какие чудные вещи здесь играют. Что ты хочешь знать, танцовщица из Сиирелл?

– Как мне стать такой, как ты, господин? – вопрос вырвался помимо воли.

Колхат засмеялся.

– Какой?

– Сильной. Смелой.

В этот раз он медлил с ответом.

– Стань свободной. У всех для этого свои пути, но тебе... тебе придется стать самой сильной.

– А ты – самый сильный?

– Может быть. – Колхат чуть сдвинул мою ладонь. – Во всяком случае, я могу помочь другому обрести свободу.

– Разве свободы не следует добиваться самому?

– Иногда можно и подтолкнуть.

– Ну да. – Я посмотрела поверх его плеча на наставника. – Все знают, чем заканчиваются истории про дружбу волка и овечки. Она думала, что свобода начинается за забором, а оказалось...

– Только если под шкурой овечки не прячется кто-то пострашней волка.

– Не понимаю.

– Нет, все ты прекрасно понимаешь, танцовщица из Сиирелл, – сказал Колхат и коснулся моего оберега. – Я пробуду здесь до первых петухов. В моей ладье найдется место до Светлолесья. Тебе хватит времени, чтобы решить, с какой стороны забора ты хочешь быть?

«Ну вот и все», – с горечью подумала я. Нет, никто не причинит мне вред под защитой могучих братьев-вышибал, но...

– Господин, боюсь, ты неправильно понял, – сказала я, высвобождая руки. – Мне дорога моя честь. Прощайте.

– Пусть твоя честь будет при тебе и дальше. – Колхат притянул меня за рукав. – Я предлагаю покровительство твоему дару и ничего более. Разве тебе хочется прозябать в этой дыре?

– Ты... что?

– Я помогу тебе. Куда ты хочешь? В Линдозеро?

Я слышала о покровителях певцов и танцовщиц среди знати, но не могла и подумать, что однажды получу такое предложение. Это невероятная удача в любой другой день. Кроме этого.

– Нет... Не могу.

Он выбил меня из колеи.

И я попалась. Предложение оказалось не тем, что я ожидала услышать, но объятия Колхата стали крепче, словно настойчивость должна была каким-то образом передаться и мне. В груди разрастался жаркий ком – прямо под тем местом, где висел оберег.

– Ладно. – Колхат отпустил мою руку. – Но тот вопрос, который ты задала мне... Задай его и себе тоже. Ты уже не маленькая девочка. Ты давно поняла, где хочешь быть. И это явно не дешёвенькая корчма на краю мира.

Дурнота накрыла меня уже за дверями трапезной. Схватившись за лестничные перила, я содрогнулась от рвотных позывов. Сердце заколотилось, тело охватила мелкая дрожь. Я сделала три глубоких вдоха, прогоняя наваждение. Лучина надо мной догорала, и вокруг нее, все так же сталкиваясь друг с другом, летали в душной темноте мухи. Пахло молоком, прелым сеном, пыльными мешками и морем.

Большую часть жизни, а именно все, что было до последних семи зим, я не помню, но когда ко мне прикасаются, чувствую нестерпимое желание вырваться. Будто от прошлого можно убежать! Но даже если ты его забудешь, оно тебя – нет.

Чудь побери Линдозеро. И Колхата. И «Вольный ветер».

– Что с тобой? – Фед размахистым шагом пересек разделяющее нас расстояние и схватил меня за плечи. – Он лапал тебя?

– Нет, – солгала я.

– Что он тебе предлагал?

– Неважно. – Все-таки я была уличной танцовщицей и могла изобразить равнодушие. Намного важнее сейчас то, что наставник рядом.

– Фед, я видела кое-что... не совсем обычное. Думаю, нам надо скорее ехать.

Наставник одарил меня усталой улыбкой, с какой порой смотрят на надоедливую, но любимую щенка. Я как можно решительнее встретила его взгляд, но этого было недостаточно, поскольку Фед сказал:

– Вот это и оно, Лесёна. – Он заправил мне за ухо выбившуюся прядь. – Ты чувствуешь, поэтому и видишь. Ты увидела, потому как хотела увидеть. Поверь, я знаю.

Его последние слова были полны горечи, но не притупили моего кислого, как самое дешёвое вино, разочарования.

– Чудь побери, Фед, я ни капли не придумала! Ты мне не веришь?!

– Лесёна...

Дверь в трапезную распахнулась.

– Вы сегодня решили мне весь вечер испортить?! – рявкнул Томор. За его спиной маячили раскрасневшиеся лица корчмарки и Оси.

– Девчонке стало плохо от твоей бодяги, – ровно сказал Фед и повернулся ко мне. – Иди наверх, отдохни. Я приду за тобой, как закончу, и мы поговорим. Все будет хорошо.

Его непробиваемая уверенность хоронила под собой все обращенные к нему слова. Словно я искала сочувствия у каменной глыбы. Фед мог быть таким, особенно когда считал, что поступает во благо.

А потому я развернулась и побежала по ступенькам вверх, в свою комнату.

От меня несло запахами ночного Сиирелл, но сил тащиться к колодцу не осталось, и я рухнула в постель.

Пол подо мной гудел, все смешалось. Оберег давил на грудь.

– Эй, колдовская сила внутри, если ты слышишь... Как мне стать сильной? Как отыскать дорогу? – прошептала я и провалилась в сон.

Опять туман...

Почему я не могу прорвать его завесу? Он скрывает от меня явь, порождает морок, который грозит свести с ума.

– Ждут тебя руины колдовского города, – ветер донес чей-то голос. – Жду и я. Приходи скорее!

Хочется кричать, но вместо этого я стискиваю кулаки и... бегу. Похоже на сладкую боль – я не хочу ее испытывать, но нет, нет, нет сил отказаться.

Знаю, что сама виновата.

Виновата в чем?

Я протерла глаза и села в постели. Сердце колотилось, как после долгого бега, а холодный пот и слезы застилали взор. Непривычный мне еще оберег согрел кожу. Я свесила ноги с кровати, коснулась холодного пола и протянула руку, ловя солнечный луч. Он проскользнул между пальцами и остался на стене.

«Интересно, а чего я ожидала?» – подумала я с горечью.

Фед мне не верил, но не верила себе и я. Видения наверняка являлись частью общей тревоги, которая терзала меня и которая теперь обрела зримое подтверждение.

Пусть оберег был всего лишь камнем, но я не была всего лишь девчонкой и теперь знала, как поступлю.

Я спрыгнула с постели и принялась опустошать сундук и полки с вещами, потом пересчитала деньги в кошель, мой собственный запас: два золотых, три серебра и множество монеток поменьше из разных земель, которые при желании можно обменять на деньги любого царства Светлолесья.

Рассвет набирал силу. Я прошла по второму ярусу, затем спустилась, стараясь не скрипеть лестницей, и заглянула в трапезную: в «Вольном ветре» повис плотный сизый дым от недокуренных смесей. Многие посетители разошлись, но несколько самых стойких завсегда-таев требовали еще песен. Фед едва перебирал струны и играл что-то тихое, а подпевала ему томным, с хрипотцой, голосом Ося.

Колхата не было видно.

Я выскользнула через кухню и оказалась на заднем дворе.

Статного асканийца было трудно не заметить. Немного покорило выражение его лица, которое говорило о том, что Колхат ни мгновения не сомневался в моем решении.

– Идем, – сказал он, накидывая на меня серый плащ. – Вот, укройся. Ты в городе слишком узнаваема.

Я протянула ему кошель.

– Хочу купить булавку.

Колхат взял его, видимо, скорее от растерянности, потому что брови его поднялись, и он перевел взгляд на меня.

Я сняла с шеи оберег и также протянула его асканийцу.

– И вот еще. Это редкая вещь. За нее нам как-то давали пятьдесят...

– Ты не едешь? – перебил меня Колхат.

Я медленно покачала головой.

– Что ж, воля твоя. – Купец взвесил в руке кошель. – Но я отдам тебе булавку так. Но как же яд? Ты будешь его принимать?

Колхат протянул кошель обратно, но я не взяла – если чему и научилась у Феда, так это тому, что ходить в должниках у влиятельных людей себе дороже.

– Нет. – Я внутренне сжалась, но виду не подала. – Я просто буду носить ее на наручах. С внутренней стороны чешуйки аспиды, а прочнее этого ничего нет.

– Чешуя аспиды? – Колхат выглядел глубоко потрясенным и наверняка успел пожалеть о своей щедрости. Аспиды вымерли больше пятисот зим назад. За их чешую червенцы платили серебром, а княжи – золотом.

– Она не продается.

Асканиец усмехнулся и убрал кошель. Я протянула ему ленту с оберегом. Внутри зашевелилось нехорошее чувство, словно я предавала кого-то важного. Пришлось приложить усилие, чтобы рука не дрожала.

– Если я возьму ленту, мы с тобой обручимся, – насмешливо сказал Колхат. – Так что не серчай, не стану.

Я с облегчением вернула все на место. Хорошо, что в Светлолесье с обменом лентами связан обряд замужества, не пришлось расставаться с подарком Феда.

– А... ты-то, господин... нашел ли то, что искал?

Колхат отстегнул от кафтана булавку и протянул ее мне.

– Нашел, – сказал он. – Если честно, даже больше, чем рассчитывал...

– Что-то не вижу никакого яда. – Я взялась за камень и рассмотрела острие.

– Можешь проверить на ком-нибудь, – отозвался асканиец. – Хотя бы на той надоедливой девице со свекольными щеками.

– Стой! – раздался грозный окрик.

Фед грузно вышел из-за корчмы и заступил дорогу. Его глаза налились темной синевой и едва ли не метали молнии.

– Никуда ты с ним не поедешь, – прорычал он.

– Это не то, что ты подумал...

Я бережно, держа за навершие, подняла булавку, чтобы показать ему и все объяснить, но обмерла: на ярко-алом камне было выгравировано око.

– Нет, – выдохнул Колхат. – Это даже хуже.

Око! Такое же, как у меня на запястьях. Такое же, как знак червенцев... Я с визгом отшвырнула булавку в сторону.

Эта непростительная глупость могла стоять мне не меньше, чем чешуя аспида.

Ужас мгновенно затопил меня до краев, и я безоглядно рванула в сторону, но чужая рука схватила меня за волосы и потянула.

Боль разорвала мглу: я видела далекое лицо Феда, утратившее все краски.

– Лесёна...

– Слишком много болтает, – сказал голос Колхата. – Чему вас только учат в этой вашей Обители?

Должно быть, он ударил меня, потому что я как-то оказалась на земле. В глазах потемнело, то ли от страха, то ли боли, то ли от собственного бессилия. Будто во сне, я увидела, как в ладонях Феда зажегся свет.

– Так-так-так... Неужели это сам Крадущий-в-темноте? Вот уж не думал, что именно этот опустившийся голодранец когда-то наделал шороху среди жрецов, – Колхат говорил с неторопливостью необратимой гибели. Дурнота уже накрывала меня с головой, и мир соскальзывал в нее вместе со всеми красками и звуками.

– Ты не убьешь ее. – Фед по-прежнему стоял на месте, но свет под его руками разгорался все сильнее.

– Непременно убью.

– Ты знаешь, что у нее есть клеймо?

Голос Феда растворялся, утекал, исчезал.

Я не знала, что происходит, мои руки выгнулись вверх, но вместе с тем боль в голове стала слабее. Я резко вдохнула и оглянулась. Свет в ладонях наставника не просто разрастался, а словно загустевал. Таких чар, явных и долгих, мне еще никогда не доводилось видеть. Если Фед тянул время, то ему потребуется много сил, чтобы одновременно и удержать колдовство, и дать ему созреть.

Колхат что-то сказал. Кажется, ругался.

– Одному из вас все равно придется остаться здесь навсегда, – сказал он желчно. – Двоих я не поташу.

– Лучше подумай, как бы самому уйти отсюда целым. – Фед поднял руку с колдовским сплетением – узором из сияющих нитей.

Колхат выставил меня перед собой, как щит.

– А ну брось свое колдовство, акудник! – крикнул еще один голос.

Корчмарь, трясущийся и бледный как поганка, высунулся из окна кухни и наставил на Феда самострел. Колхат крикнул ему что-то одобрителное и, толкая меня в спину, попер вперед.

– Ах вот, значит, как, – злобно произнес наставник. – Если упустишь нас, Томор, тебя самого вздернут!

– Не вздернут, – неуверенно пискнул корчмарь, прицеливаясь.

– Берегись! – закричала я.

Фед кинулся в сторону, уже не дожидаясь, пока корчмарь совладеет с оружием, но этого и не потребовалось: раздался сдавленный писк, затем звон и чей-то победный вопль.

Я вывернулась и увидела, как Ося воинственно машет сковородкой. Сам же корчмарь с посеревшим лицом свалился ей под ноги, точно куль с мукой.

– Береги ее, добрый молодец!

Меня прошиб странный смех. Похоже, Ося думала, что корчмарь на пару с Федом решили сорвать мой любовный побег с Колхатом, и потому взяла судьбу в свои руки.

– Убирайся отсюда! – рявкнул Фед, и Ося, пискнув, скрылась в глубине дома.

Колхат сумел подобраться к наставнику и, оттолкнув меня, бросился на Феда с ножом.

Тот дернул рукой – сгусток света сорвался вниз и упал.

Сначала ничего не произошло, свет просто вошел в землю под ногами Феда, но потом я заметила, что все вокруг движется с неестественно медленной скоростью. Колхат завис в воздухе с искаженным от крика лицом, и его темные волосы вились над ним, словно змеи; острое ножа вспороло воздух там, где был живот Феда, который уже плел новое заклинание.

И я увидела ее – рубиновую булавку. Рядом с собой, всего в сажени!

Раздался грохот, земля дрогнула. Когда мир вновь вернулся к прежней скорости, вдруг появился Колхат и вцепился в меня.

Ничего не понимая от страха и боли, я рванула к злосчастной булавке с каким-то звериным упорством. Колхат волок меня по земле, когда мне удалось извернуться и всадить в него острие. Оно вошло в его плечо, словно в тесто, и так плотно, что торчать осталось только самое основание.

Хватка разжалась, и я смогла, пошатываясь, встать.

Колхат же упал, но не затих, а принялся ползти.

– Да, кажется, она и вправду отравлена, – прохрипела я.

– Лесёна, я здесь!

Я замотала головой в поисках голоса, но никого не увидела.

– Нет, не там! Внизу!

Под ногами извивалась маленькая ящерица.

– Бери меня и беги!

– Что...

Я точно чересчур ударила головой.

– Фед, где ты?

Вдруг Колхат издал нечеловеческий вой и, к моему ужасу, начал подниматься, опираясь на локти.

– Подбирай ящерицу! – велел голос Феда.

Я повиновалась. Колхат уже стоял на ногах, у него изо рта текла, заливая бороду, густая, почти черная кровь, но он все же вытащил нож. Похоже, яд для него и вправду был не опасен.
– Беги! – велел истощенный голос Феда.
И я бросилась бежать, прижимая к себе ящерицу.

3

Барабаны ночи

Я неслась по улицам Сиирелл. Редкие прохожие останавливались и показывали пальцами, кто-то даже крикнул: «Акудница!»

– Беги в кузницу через переулки! – рявкнул голос Феда.

– Где ты?!

– Здесь налево! Налево! – взвыл наставник. – Срезай через двор за пекарней! Доберись сперва до кузницы, непутевая твоя голова!

– Хотелось бы посмотреть на твою голову!

– Беги!

Я нырнула в темный провал переулка и, поскользываясь на объедках и нечистотах, последовала совету: побежала к кузнице. «Там тайник, – вспомнила я под грохот собственных шагов. – Сменная одежда и деньги». Эта мысль отрезвила меня, но лай собак, разрывающий тишину переулков, не давал передвигаться незаметно.

– Если посадишь себе на хвост стражу, уже ничто не поможет! Нет, следующий! – Ящерица переползла на плечо, и я побежала быстрее. Голос Феда раздавался всякий раз, когда я пропускала нужный поворот, а иногда нарочно направлял по длинному пути. Приходилось то петлять, то ползти по канавам, то протискиваться в заборные щели. Наконец, когда я почти выбилась из сил, подворотни Сиирелл сжалились и выплюнули меня к кузнице на углу Березового переулка и Портовой дороги.

Но дверь была заперта.

– Арф. Сейчас. Разрешаю, – отрывисто велел голос наставника.

Вокруг сновали люди, и улица гудела десятками наречий: торговцы спешили занять место на базаре, рыбаки вытягивались в полосу у портовых ворот, а городская стража лениво прохаживалась вдоль насыпи. Все как обычно. Сюда еще не докатился переполох в корчме?

– Быс-с-стрей, Лесёна!

Трясушейся рукой я рассекла замок на двери одиночной Арф – руной прямой силы. Колдовство отозвалось и с жадностью обхватило металл, хотя я едва стояла на ногах, а сама руна вышла жиденькой и блеклой. На мгновение перед внутренним взором пронеслась череда воинов. Руна напиталась следом воспоминаний о тысячах людей, прикасавшихся к двери кузницы. На руках некоторых была кровь, и руне это понравилось – она разбухла втрое и только потом забрала холод и твердь старого металла. Замок рассыпался в пыль. Арф милосердно оттянула лишь часть сил и напоследок оставила знание: кузнец работал до рассвета, а после отправился на рынок подбирать кожу на ножны для молодых наемников.

– Входи, пока никто не с-с-смотрит, – прошипел Фед.

Долго спрашивать не пришлось, я была рада-радешенька оказаться подальше от толпы. Несколько мгновений, прежде чем глаза привыкли к полумраку, пришлось идти на ощупь. Горн остывал, острый запах железа висел в воздухе. На границе омытого тьмой помещения лежали меха, молот и множество кусков неизрасходованной руды. Свет от углей мерцал, и тени бродили по кузне в мрачном хороводе.

Я закусила губу, чтобы унять дрожь, и, опустившись на лавку, подняла ящерицу к лицу.

– Скажи мне, что это не ты!

Крошечные лапы с силой вцепились в ладонь. Узкие ноздри, как мне показалось, яростно сузились. Рот приоткрылся.

– Ладно, это не я.

Я вскрикнула и едва не выронила свою ношу.

– Это не я, это просчет, – свирепо сказал Фед. – И все потому, что кто-то был бес-спечен!

В горле стало еще суше.

– Как?...

– Заклятье отс-с-скочило. – Рот ящерицы, когда Фед говорил, приоткрывался. – Вместо червенца оно обратило меня.

Я лихорадочно перебирала все знакомые мне колдовские сплетения. Наставник с другого Пути, там свои правила, но если понять основу, может быть, я бы могла...

– Бесполезно. Я придумал сплетение на ходу.

– Что же мы будем делать?

– Вытащим тебя с острова прежде, чем нагрянут червенцы. – Ящерица перебралась на окно и выглянула на улицу. – Мое заклинание распадется, – сказал он оттуда приглушенно. – Но когда? Лес-с-сёна, одежда под лавкой. Переодевайся живей.

Я расчистила пол от соломы, нашла выемку и поддела ее ногтями. Внутри лежал плотный сверток. До меня медленно доходил смысл произошедшего.

– Я не догадывалась, что он... Я хотела помочь тебе...

– Или хотела в Линдозеро, – слова наставника разили с безжалостной прямоотой. – Иногда я думаю, что зря рассказывал тебе все эти сказки про Полуденного царя...

– Это не сказки!

– Червонные жрецы победили, Лесёна. Никто не придет, чтобы спасти нас. Мы должны заботиться о себе, а не о легендах.

Я смотрела на него, на маленькое теперь и слабое тело, и небывалое чувство поднималось внутри. Пускай слова его приносят боль, я знала, что это не вся правда, что есть еще в этом враждебном к колдунам мире что-то, за что еще можно держаться.

– Мы семья. – Я распрямилась. – И другая у меня вряд ли появится. Ты и колдуны из Обители...

– Я рад, что ты это понимаешь, – резко сказал Фед. – Но нельзя терять время.

– Послушай, мы должны продолжить начатое, должны хранить наши предания! – Я перевела дыхание и добавила: – Прости, но я еду в Линдозеро.

Ящерица окинула меня сердитым взглядом. Точнее, попыталась.

– Худшая мысль из всех. Ты не обучена, порывиста, бедна. Доверчива! Все деньги и вещи утрачены! И мои гусли... – он застонал. – Гусли, чужь их побери, тоже потеряны!

Я развязала бечевку и встряхнула покрывшуюся пылью ткань. Это была порядком поношенная серая рубаха, которую я как-то умыкнула из бань в Дубравре. С тех пор одеяние не раз побывало на дне сумы, где впитало в себя прелести походной жизни, а потом оказалось под полом кузни и там, похоже, претерпело еще и тесное знакомство с мышами. Но оно сохранило одно неоспоримое преимущество: в серой рубахе я была похожа на жрицу. Мунису.

– Нет, нет и нет!

– Мы потеряем столько времени, добираясь до Обители. – Рубаха легла на плечи с непривычной тяжестью. – Сколько мы упустим, прежде чем там тебя расколдуют или найдут замену? Даже если мы каким-то чудом сумеем передать восточку, что ты не едешь в Линдозеро, будет поздно. Или я не права? И ты отправишься со мной? Незаметный. Опытный. Фед, мне придется учиться!

– Лесёна, как ты не понимаешь...

– Судьба – это не то, чего следует ждать, это то, чего нужно добиваться самому.

– Ты прочла это в таблицах Галлаи «О свободе чародея»?

– Нет, в ее зелейнике. Фед, я перечитала все свитки в Обители. Я готова!

Ящерица строго смотрела на меня. Я встретила взгляд с не меньшей решительностью. На этот раз наставник молчал долго.

– Ладно, – наконец сухо сказал он. – Но и у меня есть условие. Все, что я говорю, ты выполняешь. Быстро. Без пререканий. Без надутых щек. С полным пониманием того...

– Что я колдунья, а не взбалмошная девчонка, – договорила я.

– Да.

На ум шли вчерашние наваждения. Ясное дело, если Фед сочтет меня испугавшейся или, чего хуже, помешанной, то не позволит отправиться на поиски. От одних этих мыслей мне чудилось, как с соседних крыш в окно напозла темнота и веяло странной тишиной. Будто ветер перемен, прогулявшийся вчера по улицам города, подхватил меня и понес в неизвестность.

– А вдруг я знаю что-то, чего не знаешь ты?

Фед издал звук, который я истолковала как недовольное сопение.

– Ты опять?

– Ладно. – Я махнула рукой. – Согласна. Впредь буду послушной.

– Тот червенец, что напал на нас, совсем не прост. – Наставник перебрался по закопченной занавеси вниз. – Выследил и пытался взять живьем. Так поступают только каратели, небольшой червенский отряд. Они разыскивают настоящих колдунов, а не тех базарных лицедеев и шептуний, на которых постоянно доносят все кому не лень.

– Зачем?

Червенцам зачастую даже суд не был нужен. Но Фед будто опомнился.

– Тебе лучше не ведать. Надевай жреческий убор!

Очелье мунисы сдавило голову, а рога – единственное украшение – запечатали острыми краями переносицу. Наставник переполз на лавку и заглянул в кошель с монетами.

– Посчитай, сколько, – велел он.

Я взвесила кошель в руке: тот был удручающе легок, всего три сребра.

– Хватит только на место в ладье, – упавшим голосом сказала я.

– Божьи люди едут бесплатно. – Фед быстро осваивался в роли ящерицы. Не успела я подставить ладонь, как он молнией скользнул по руке, затем заполз по шнуру с оберегом, свалил себе из ткани нечто вроде насеста и высунул мордочку.

– Тугогато придется. Может, продадим камень? – сказала я невзначай. – Помнишь, нам за него кучу денег предлагали?

– И думать об этом не смей, – ответил наставник. – У него нет цены.

– Хорошо тебе говорить! Тебя прокормить легче, – воскликнула я, но прикусила язык, когда ящерица посмотрела с укором.

– Ничего, бывало и похуже. Ты и так раздобрела на местных харчах.

«Зато ящерицы не страдают похмельем», – подумала я со вздохом. А между тем живот сводило от голода.

– Тогда раздобудем припасов. И, может, стянем отсюда оружие?

– Не стоит. Там, куда мы сейчас пойдём, оно тебе не понадобится.

– А мы разве не в порт?

– Без надежного человека с острова не выбраться, – отрезал Фед. – Тебе нужен Минт.

– Минт? Кто это?

– Человек. Наемник из местных.

Рубаха была велика и местами прохудилась, но серый цвет не взяло ни время, ни пыль. Крайняя бедность одеяния находилась как раз на том стыке, когда еще внушала уважение, но уже отпугивала охотников за чужим добром.

На улице я огляделась по сторонам, почесала саднящую под костяными зубцами кожу и опустила сетку на лицо. Облик города потускнел, словно кто-то вымарал его грязью.

Мне не хотелось искать какого-то Минта в лагере наемников, но я молчала, ведь уговор есть уговор.

– Ты должна его помнить, Лесёна, – сказал мне на ухо Фед. – Пять зим назад. Он был тем парнем, который предупредил нас о червенцах в святоборийской веси.

Я вспомнила тот вечер. Мы остановились проездом в одной корчме и отработывали постой песнями и плясками. Народу было много, на улице толпились зеваки. Мальчишки забрались на стропила. Посреди представления один из них упал, и Фед, к неудовольствию собравшихся, прервал игру. Этот мальчик был таким же щуплым и вихрастым, как и другие, и выделялся разве что большим слоем грязи на лице и одежде. Он молча глотал слезы, когда Фед подошел к нему, а ведь мальчик сломал руку. Наставник опустился на колени и, коснувшись перелома, шепнул словцо-другое.

– Я толкнула разносчицу, когда поняла, что ты собрался лечить его, – вспомнила я. – Ох и шуму было...

Наставник соткал тогда Касание, сплетение с Пути Созидающих, и срастил сломанную кость. Вспомнила я и о том, что подошва обуток у мальчика насквозь прохудилась и из полушубка он вырос явно две зимы назад. Но таких сирот во всей Святобории после войны Трех Царств насчитывалось немало. Чем же Минт запомнился Феду?

– А наутро он предупредил нас о червенцах поблизости, – добавил Фед, словно отвечая на вопрос. – И мы ушли.

– Он понял, кто мы, но не выдал, – сообразила я. – Но с чего ты решил, что этот мальчик, Минт то есть, здесь?

– Минт хотел уйти с нами. Я не позволил, но, когда отвез тебя в Обитель, вернулся за ним.

– Он колдун?

– Нет. – Фед замолчал, будто размышляя над тем, говорить ли дальше. – И даже не сирота. Но он хотел стать воином, и я помог ему добраться до Сиирелл. Вот и вся история.

«Явно не вся», – подумала я, но опять промолчала. Если ребенок из бедной веси хочет уйти с незнакомцем-колдуном за тридевять земель учиться воинскому ремеслу, то что на противоположной чаше весов?

– Он знает, что ты здесь?

– Нет, – отозвался Фед. – Не хотел напоминать ему о прошлом. Но я получал весточки от его наставника. Кажется, Минт преуспел в своих стремлениях.

– Так он будет нам помогать?

– Ну, – Фед вильнул хвостом, – у нас есть друзья. Немного, но есть.

– Это не ответ.

– Мунис-с-са – зверь не редкий в Сиирелл, но будет лучше, если ты перестанешь бормотать сама с собой, – оборвал меня Фед. – А, вот и пришли.

Я подошла вплотную к высоченным, устрашающе неприступным воротам в поселении наемников. Навстречу вышел худощавый парень в потертой безрукавке, учтиво поклонился и предложил проводить меня. Оказалось, сегодня молодые наемники проходили Калинов мост – испытание, где лучшие могут получить выгодные подряды.

Мы шли мимо простых глинобитных домов с выкрашенными в черный оконцами. По дороге я не раз увидела знамена: трилистник из мечей со скрещенными рукоятками.

– Имя поселения и острова – Сирин-эле, три меча, – сказал Фед. – Три легендарных меча в дар от Странника – Небесного кузнеца – знак свободы, которую отцы-основатели Сиирелл обрели при битве в Жгучей Пади.

– Никогда не слышала ни о какой битве в Жгучей Пади.

– Это было задолго до последней войны с колдунами. И не касается преданий о Полуденном царе.

– Очень смешно, – пробормотала я.

Что ж, Сиирелл старше, чем кажется. Последняя война с колдунами, когда Мечислав сокрушил царя Полуночи, состоялась больше трехсот зим назад. Но теперь понятно, как ост-

рову удалось удержать частицу свободы, недоступную царствам Светлолесья: не обошлось без старого чудесного подвига! Я приободрилась.

Миновав поселение, мы спустились в рощу. Уверенная, вытоптанная тропа вела дальше, и вскоре нам попало несколько поросших зеленовато-бурым мхом идолов одного и того же божества, подле которых стояли миски с молоком, зерном и цветами.

– Подношения, – донесся голос Феда.

Воины из Сиирелл поклонялись Единому в ипостаси странствующего воина: на идолах были растрескавшиеся от времени кольчуги и шлемы.

Мы спустились по земляной насыпи. На отлогой косе столпилось несколько десятков, а то и сотен наемников. Серо-стальная синь была изрезана деревянными мостками, и самый просторный из них тянулся вдаль, отделяя часть моря. Поглядеть на Калинов мост собрались и наемники с женами в нарядных черно-белых коротких одеждах, и угрюмые одиночки, и старики в потрепанных кожанках. Одна лишь детвора носилась по берегу, размахивая ученическими мечами.

– Что они делают? – спросила я у провожатого, указывая на двух сошедшихся в яростной схватке на мосту воинов.

– Один из них Чудище, другой Странник. Странник должен победить Чудище и пройти по мосту, Чудище – удержать мост. Проигрышем считается падение в воду, или, иначе говоря, Жгучую Падь.

Как только провожатый договорил, Чудище сделало подсечку, и Странник полетел в воду. Толпа радостно заулюлюкала.

– Есть ли среди них наемник по имени Минт?

– Вон там. – Парень махнул в сторону моря.

Я едва не застонала. Высоченный парень в толпе, на которого указывал провожатый, – не кто иной, как тот наглец, что напугал меня вчера рядом с корчмой!

Пусть я почти не запомнила лица, но вот рост и кожанку – преотлично.

– Это точно он? – спросила я, холодея. – Минт?

– Подойдите и спросите, раз не верите, – слегка обиделся провожатый. – И лучше бы вам поторопиться, пока его не вызвали.

Я кое-как двинулась вперед.

«Надо же было такому случиться! – мысленно взвыла я. – Из всех, из всех наемников это оказался именно он!»

Со времени первой встречи Минт вырос из тщедушного мальчишки чуть ли не вдвое, отрастил волосы и даже выбрил виски на манер бывалых вояк-наемников. Неудивительно, что я не узнала его вчера. Пять зим назад, когда Фед помог ему добраться до Сиирелл, я и сама была еще ребенком.

– До чего хорош! – В едва различимом сквозь шум волн голосе наставника слышалась гордость.

– Встречают по одежке, – буркнула я.

– Да что с тобой, Лес-с-сёна? Иди быстрее, мы его сейчас упустим!

К Минту тем временем подскочила девушка-воительница с кудрями цвета воронова крыла и что-то быстро прошептала на ухо. Минт улыбнулся, прищурился, взял ее под локоть, но вдруг вмешался поджарый вояка и повел девушку за собой. Парень злобно смотрел им вслед.

– Эй, молодец, сначала поединок! – услышала я, когда приблизилась.

Хохоча, какие-то вояки подхватили Минта под руки и потащили к мосткам. Фед разочарованно засопел:

– Лесёна, он твоя надежда выбраться с острова!

Пересохшее горло сдавило жаждой и страхом. Хотя моя надежда выбраться с острова стремительно удалялась, я испытывала облегчение.

Минт уже ступил на тонкую полоску дерева, плескавшуюся в море, – Калинов мост.

– Я поняла, Фед. Достану его после поединка!

Соперником Минта оказался крепкий клювастый парень с короткими волосами соломенного цвета.

– Давай, Ждан! – вдруг нетерпеливо, со смехом, крикнул кто-то.

Минт ударил по щиту клинком: «Нападай!» Ждан, сделав резкий выпад, нанес рубящий удар сверху. Стало быть, Минту в этом сражении была отведена роль Чудища.

Он вскинул заслон и устоял.

– Ярло, будешь ставить? – спросил моего провожатого наемник в облезлой безрукавке.

– Да! – Ярло покосился на бой. – Пять сребров и десять смен в карауле на Ждана.

– Принято. – Воины пожали друг другу руки. – Эй, Лада, а ты на кого из своих женихов будешь ставить? Я поставил на то, что Минт перебьет Ждану нос в другую сторону.

Темноволосая воительница – та, что подбегала к Минту, – презрительно вскинула бровь, дернула плечами и, оттеснив парней, протиснулась в первые ряды.

Ярло сказал:

– Мне отец по секрету шепнул, что мечевластитель отправит ее и старших в Асканию с кем-то из нас.

– Ты хотел сказать, с кем-то из них? – со смехом указав на противников Калинового Моста, спросил наемник в безрукавке.

Когда я снова увидела Минта, его клинок чертил в воздухе перед Жданом немыслимые узоры, иногда расплываясь и размываясь в сплошную стену. Противник не решался сунуться сквозь преграду и топтался на месте. Старшие наемники скинули в воду цветы: промедление стоило обоим противникам их благосклонности.

Клинок Минта приблизился к Ждану, но вышел из-под его власти: скорость стала настолько высокой, что в один миг воитель едва успел перехватить рукоятку. Я увидела, как Лада, нахмутив брови, следит за схваткой.

Воин, воспользовавшись заминкой, ринулся вперед и с грозным криком обрушился на Чудище. Тот едва успел отступить, отбив удар. Лада заметно побледнела.

Мост под ногами противников шатался во все стороны. Волны плескались, обдавая их стопы кипенно-белой пеной. Клинки то взмывали вверх, выхватывая из воздуха солнечные блики, то скрещивались в яростном, обоюдоостром натиске.

Я видела, как тяжело вздымалась грудь Минта, как покраснелись его щеки и лоб, и почувствовала легкую зависть: все-таки обладать силой и уметь за себя постоять не одно и то же.

Тем временем Ждан что-то крикнул. Лицо Минта перекошилось, он отбросил щит в море и двинулся на неприятеля, но оступился. Лететь бы наглому Минту в море, но он ухитрился извернуться, нырнуть в появившуюся брешь и... столкнуть Ждана-Странника в море. Судя по диковато-радостным лицам друзей Минта, чего-то такого они и ожидали.

Берег взревел.

– Ну все, – Ярло выругался. К нему, потрясая мощной, подошли друзья победителя. – Какого чудня я только сунулся...

Я оставила его расплачиваться, а сама начала пробираться ближе к берегу.

Наемники продолжали свистеть и улюлюкать, кто-то кидал в море первоцветы, а кто-то достал из ножен клинок и поднял острием вверх, приветствуя победителя. Минт выбрался из воды, и его облепили ухмыляющиеся парни. Один хлопнул его по плечу и подал ковш.

– Лада с тебя глаз не сводила!

– Я видел.

Минт опорожнил ковш и, явно рисуясь, принялся поправлять рассеченный ремень на наручах.

– Даже мунисе твое геройство пришлось по вкусу!

И друг кивнул на меня. Все трое оглянулись. Я почувствовала, как к щекам приливает краска. Минт изменился в лице: густые брови вскинулись вверх, темно-карие, темнее моих собственных, глаза расширились, а рот, обрамленный сверху тонкой полоской усиков, приоткрылся. Нет, ну каков!

– Мы знакомы? – Минт оценивающе меня оглядел.

Я отвернулась. Кровь зашумела в ушах.

– Фед, он самодовольный дурень! Я не могу!

– Ты обещала не прекословить, помнишь?

Судя по голосу, он искренне раскаивался в том, что поверил в мое послушание.

Пока мы спорили, к Минту подошел рослый, сплошь затянутый в черную кожу воитель. Все парни быстро разошлись.

– Это его наставник, Любомудр, – шепнул Фед. – Обожди чуток.

– Почему?

– Он нам не обрадуется.

Вдруг ветер, подувший с моря, донес слова Любомудра:

– ...С Ладой в Асканию едет Ждан.

– Но ведь я победил!

– Твоя победа честная, неоспоримая, но... недостаточная. Времена сейчас неспокойные. – Наставник Минта положил руку ему на плечо. – Мечевластитель хочет укрепить свой род. Ждан будет свататься к Ладе в следующем году.

Минт на глазах покрывался пятнами.

– Чем мой род хуже? – звенящим от негодования голосом спросил он.

Любомудр сжал плечо Минта.

– Ты зря на нее заглядываешься. Лада – девчонка. Она всем улыбается. Не будь дураком, не перечь воле мечевластителя и Старейшин! И вдобавок ты знаешь, что о ней говорят...

– Про Ладу болтают только те, кому она отказала! – рявкнул Минт, развернулся и быстрым шагом направился к роще.

– Лесёна, чего стоишь, – прошипел Фед, – догоняй!

Я бросилась следом, но угодила в толпу. Начался новый поединок, и я потеряла время, расталкивая наемников. Вдобавок еще и камни коварно осыпались и выскальзывали из-под ног, точно намыленные.

– Быстрее же, ну!

С берега доносился шум боя, но в лесу царил тишь. Догнать сильного тренированного парня в неизвестном лесу и в лучшие времена было бы трудно, но после сегодняшнего забега по Сиирелл – непосильно.

Но мне показалось, будто в листве мелькнула знакомая кожанка. Я припустила вперед, через кусты. Над нами выросли деревья, и сквозь кружево зелени тонкими полосками упал свет. Мелькали высеченные в деревьях божественные лики. Ветви опускались все ниже, тени сгущались, и образ Минта вдали становился все призрачней.

– Мы упустили его. – Фед заюлил на плече. Я остановилась, чтобы перевести дух. Укромная тишина леса обволакивала со всех сторон.

– Смотри, Фед... Еще божества.

Деревянное изваяние, перед которым мне вздумалось остановиться, покрывала сеть трещин. Перед ним, в отличие ото всех, не лежало ни подношений, ни цветов, а верхнюю часть так и вовсе скрыл под собой плющ. Я подошла. Повинуясь странному, безотчетному порыву, очистила изваяние.

– Крылатая.

Явь будто раздвоилась. Одна я застыла перед идолом, а другая – опустилась перед ним на колени. Смутное ощущение давнего знакомства проняло до самых глубин, и я вдруг поняла: мне есть что сказать. Точнее, о чем просить. Не знаю как, но она меня услышит. Услышит. У меня не было ничего, кроме нескольких серебряных монет из тайника.

– Что ты делаешь?

– Увидишь.

– Но как ты собираешься сесть на ладью...

– Божьи люди едут бесплатно, верно?

Я подставила Феду ладонь, и он, поколебавшись, забрался на нее.

– Не знаю никаких слов, так что... Аррадо маос, Крылатая. Нам нужна помощь. Если ты летаешь выше всех, прошу, укажи путь с острова, и...

...я хочу найти Полуденного царя, где бы он ни был.

Чтобы больше никому из нас не пришлось убегать. Чтобы он показал нам дорогу домой. Чтобы древние чудеса снова случались на нашей земле!

Звякнув о камень, деньги укатились и затерялись в густой траве, а оставшиеся серебряными каплями застыли у подножия. Свободной рукой я сбросила впивающиеся в нос зубья костяных колец, и показалось, будто идол качнулся вперед.

Среди покоя и красноватых сосновых веток, среди шороха березовых листьев захотелось припасть к земле и не видеть никогда больше зеницу на алых червенских плащах. Вместе с тем, словно большой пуховой шалью, меня накрыло и обволокло благодатное умиротворение.

– Лесёна!

Нет. Не так, то были объятия матери, которой я не помнила.

И, улыбаясь, я закрыла глаза...

Янтарные, мерцающие нити кольшиются над огромным веретеном, и чья-то нежная рука с мраморно-прозрачной кожей вращает его за основание. Пряди прорезают воздух, стягиваются в щепоти изящных пальцев, переплетаясь между собой. Колесо с треском проворачивается, вбирая в себя светоносные нити.

– Час настал, Лесёна, – женский голос ласков и прекрасен, но далек, словно эхо.

4

Мед и яд

Я с усилием разомкнула веки и поднялась на ноги, путаясь в складках серой жреческой рубахи. Окоченевшее тело не слушалось.

– Фед? Где ты?

Наставник не отозвался. Холодные сумерки тревогой легли на плечи. Сколько я пробыла одна? Только оберег был теплым, словно пролежал все это время на солнце.

«Это бег меня так притомил, – думала я, грея озябшие руки о камень. – Фед, стало быть, сам отправился за Минтом».

Воспоминание о сне подернулось рябью, но ощущение потустороннего не пропало. Я посмотрела на идол богини. Вечер растворил его в темноте, и Крылатая едва угадывалась, смутно темнея перед чащей.

– Час настал? Хотела бы я знать, что за час. Надеюсь, не тот, где нас схватят червенцы.

Сквозь лес виднелись редкие огни, и слышался грохот барабанов. Я ринулась к ним напрямик. Заросли крапивы обжигали колени, травинки набивались в шнуровку сапог, ветер, такой же крепкий и тревожный, как вчера, клонил к земле тонкие сосны и гнал из-за моря новые серо-стальные облака. Верхушки деревьев распарывали их над островом, и из прохуdivшихся недр на Сиирелл сыпался дождь. Где-то за облаками по небосводу грохотала божественная колесница... В такую погоду ни одно судно не пристанет к берегу.

Лес наконец расступился, и я вышла к поселению наемников. Ночь преобразила его: яркие ленты развевались на ветру, а полотнище с клинками реяло над помостом, черные трилистники мечей проступали резкими масляными пятнами на коже барабанов, на стенах домов зажглись огни. Слышались взволнованные голоса, витал запах жаренного на вертеле мяса. Из-под большого, сработанного из грубых досок навеса гремела удалая музыка.

Я встала под раkitой, шепча ей просьбу прикрыть меня ветвями да лентами от чужих глаз.

Воители, парни и девицы из Сиирелл, – все соединились сейчас в танце. Я видела Ладу, Ярло и друзей Минта. Дождевая морось исчезала прямо в воздухе, не долетая до них. Чем сильнее гремело небо, тем чаще стучали барабаны, тем злее и яростнее становился танец. Этим вечером на пиру собрались отчаянные головы со всего Сиирелл, но нет ли среди них переодетых червенцев? Нет ли Колхата?

Я коснулась дерева, и в тот же миг знакомое чувство затеплилось внутри, а затем и снаружи – оберег потеплел. Одно рукой я сгребла его в горсть, в то время как другая все еще шарилась по раkitовой коре. И вдруг миг прозрения озарил мою память, и из нее, будто из мутной воды, поднялось давно забытое прошлое.

Если сон обернулся злым мороком, то сама ночь становится темницей.

Мое первое воспоминание – песнь. Звучали приглушенные тоскою напевы, и мужчина вел их мерным перекатом голоса. Земля дрожала под копытами взмыленной лошади, солоно и едко пахло дорожной пылью. Крепкие руки прижимали меня к груди, словно драгоценность. Но холод... Морозная стылость давила нутро, слезы в уголках глаз оборачивались льдинками. Откуда я знала это? Когда звучал голос, ночь отступала все дальше и дальше, так далеко, что выпускала меня из виду. И не могла найти, не могла выследить.

Вереница густых образов вставала передо мной – я вспоминала...

– За тридцать дальних далей стоят чертоги светлые, каждой праведной душе в свой час известные. Ни птице мирской туда не долететь, ни аспиду ядовитому не добраться. Я сам не видел, но предки сказывали: явились однажды боги на земли наши и принесли с собой

знания добрые. Меж теми, кто хотел учиться, разделили великие премудрости, а тем, кто миру служить хотел, Три дороги открыли, Три Пути.

Человек с теплым голосом ткал тысячи дорог из былин и сказок, на каждой из них – та явь, тот свет, что защитит меня. Рассвет. Я слушала, не трепыхалась, до поры до времени храня грезы на ресницах. Я не видела зарю, но знала, близок тот час, когда проснусь и разомкну веки. А пока...

– Ты колдунья, доченька. – Сухая ладонь легла на мою руку, и под кожей ниточками разошлось тепло. – Ничего не бойся! Каким бы Путем ни шла твоя душа, дар чародейский всегда при ней.

Окончательно я проснулась под каменными сводами, среди мужчин, женицин и детей в свободных одеждах из неокрашенного льна. Эти люди казались мне звездами в полумраке горы. Свет их знаком, а лица – нет. Откуда я все это знала?

Я сжала в горсти рубаху своего певца-защитника и нашла под ней теплый кругляш. Медовый солнечный свет лился на руки, вместе с голосом отгоняя тьму. Весело и легко журчал вдалеке подземный ручей.

– Дитя. – От толпы отделилась худощавая женицина с вытянутым строгим лицом. – Иди ко мне.

Я выпустила камень и вдруг заметила, что мои запястья перевязаны корпией, на которой появились бурые разводы.

– Это жрецы сотворили с ней, – почти не размыкая губ, прошептал мой певец. – Разве можно такое стерпеть?

– Твоими стараниями они отыщут нас раньше, Фед. Давай, девчоночка, иди, – добавила женицина повелительно. – Ты глухая, что ли?

– Память у нее отнялась, да и руки изранены. Не сумел дорогой вылечить. Инирика, я все-таки настаиваю.

Колдунья поджала губы и посмотрела с осуждением. Но не на меня.

– Не сейчас, Фед. Сначала обряд.

– Девочка натерпелась от червенцев. Посмотри, что они оставили на ее запястьях.

– Зато живая.

– Инирика... Все это слишком странно.

Но в голосе того, кто привез меня, не было уверенности. Он явно знал, что сейчас произойдет, но не воспротивился.

– Но в даре ли она, Фед? Пусть матушка посмотрит. Так надо, ты знаешь.

Певец сам стащил меня и подвел к стене пещеры. Матушка? То, что издали виделось причудливой скалой, оказалось высоким деревом, наполовину вросшим в камень. Под корой плескались золотые нити. Ящерицы разбегались в разные стороны. Чудно. Я смотрела, дивилась красоте невиданной, и такое тепло шло от каменного дерева, какого я прежде не знавала. А что я вообще знавала, кроме тьмы и ночи беззвездной? Кто я?

– Это Древо. – Фед провел ладонью по коре и опустил в глубоком поклоне. – Аррадо маос. Внутри – душа Обителя, госпожи Галлаи, пожелавшей навеки остаться здесь и оберегать колдунов. Госпожа пропускает только тех, кто не желает зла обитателям. Галлая видит, кто мы есть. Коснись Древа, девочка.

Если боги дали нам Пути, отчего нам прятаться во тьме гор?

Но я все же повиновалась. Мне и самой хотелось дотронуться до Древа.

Только вот ткань на руках набрякла алым, и с запястий вдруг слетела капля крови...

Матушка жалела меня, не показывая всего детскому разуму. В мою память, как в пустой колодец, хлынуло жидкое золото. Фед-защитник не все былинны пропел мне! Горькие сказки не захотел вспоминать, исцелению мешать! Но я видела, что век Зари кончился Сечей, боги бились со змеем страшным, из недр явившимся. Земля заходила огнем и плачем! Я

видела, как опустился гибельный век Полночи, когда оставшиеся колдуньи воевали с людьми и проиграли. Век нынешний – то ли встанет солнце, то ли погаснет для наших земель. Кто придет и все исправит? Кто справедливость вернет? Вина на колдунах великая. Не мы от людей прячемся – люди от нас!

И страшно стало, сил нет. Тьма поползла из колодца, в глаза заплескалась, золотое сияние украла. Нужно больше света! Камень раскалился под моими пальцами, и кора Древа ссыпалась трухой наземь. Золотой свет застлал глаза, лег на углубившуюся сеть трещин, на дрожащий пол, на удивленное лицо Феда.

Будет не свет, но огонь. Хоть что-то! Пусть тьма не настанет!

Воздух вокруг сделался горячим. Вода из подземного источника испарилась и наполнила пещеру едкой дымкой. Чьи-то холодные руки тянули меня, оттаскивали от Древа. Но кора обжигала ясностью, изнутри вырвалось великое знание – вырвалось, разъярило огонь, позволило на защиту.

Пламя! Но не единожды оно бед наделало...

Я стыдливо отняла пальцы, спрятала опаленные ладони в широких рукавах, и слезы невыразимой печали потекли по лицу.

Меж корней Древа открылся проход.

Фед коснулся моих запястий, и боль ушла.

– Оставь, – прошептал он и обернулся, лихо и радостно, к худощавой колдунье. – Вот так подарок! Первая колдунья с Пути Разрушения за триста зим!

Но обитатели гор не обрадовались: их кожа краснела и покрывалась волдырями. Та, что звалась Инирикой, взмахнула рукой, и мерцающий щит отделил ее и тех, кто стоял подле нее, от кипящего пара.

– Попалась!

Не успела я опомниться, как Минт потащил меня за локоть прочь от пирушки.

Сам же он был задыхающийся и такой потный, словно обежал весь остров.

– Лесёна, ты ли! – крикнул он мне в ухо. – Вот так встреча! Колдунья в облике жрицы! Звучит как непристойная мечта соискателя червенцев.

Минт улыбнулся, совершенно довольный шуткой, чем окончательно меня разозлил.

– Не хватай меня! – Я пихнула воина в плечо. Получилось неожиданно для нас обоих, и я отдернула руку, как от огня. Минт же встал как вкопанный, и его глаза сузились.

– Ладно, – ответил он, – больше не буду. Но нам надо быстрее уйти. Тебя ищет городская стража за нападение на корчмаря и кражу двадцати бутылок ардэ.

– Вранье! Да у него отродясь не водилось столько ардэ, – воскликнула я и поспешила за наемником. – Где Фед?

Минт помахал передо мной пальцем, в который вцепилась ящерица.

– Фед? Это Фед?... – Минт прижал ладонь ко рту. Его глаза быстро-быстро бегали от меня к ящерице и обратно, словно спрашивая: «Ты пошутила?»

– Почему я должен верить, что это Фед, а не заколдованная зверушка? – смущенно сказал наемник. – Фед – умелый колдун! Он бы не оплошал!

– Умелый колдун не отказывал себе в возлияниях!

Минт осекся и задержал взгляд на ящерице.

– Так вы что, правда сперли эти бутылки?

Фед отпустил палец Минта и вмиг перебрался ко мне на плечо.

– Лучше принимай меня за заколдованную зверушку, чем за какого-то плешивого винокрада, – с достоинством изрек наставник. – Лесёна, твой сон был непростой, верно?

– Да, но оберег...

– Не здесь, – коротко сказал Минт и пригнулся ко мне, закрыв собой от шедших навстречу людей. – Потерпите до дома.

Мы быстро двигались вглубь селения. Минта окликали другие наемники, хвалили за хороший бой, он что-то весело им отвечал, но чем дальше мы шли, тем сильнее сдвигались его брови к переносице.

Вскоре мы вышли за околицу и пошли вдоль реки, отделяемые Священной рощей с другой стороны. Я косилась то на нее, то на облака, и не заметила, как мы оказались около хором. Они были сложены из крупных бревен того же дерева, что и божества в роще, и от них так же сквозило верой пращуров.

– Пришли. – Минт взошел на крыльцо и отворил дверь. – Здесь живут Старейшины.

– Но ты...

– Нет. Мой приемный отец.

Внутри хоромы оказались проще, чем снаружи: в-gridнице скамьи да лавки, на нижней печной стенке мелкими камнями выложен узор-трилистник, а в правом от дверей углу – покрытый патиной идолчик Странника. Набирающий силу дождь стучал в окна, а перебаты грома дробили небо, словно конница, но очаг тихо тлел, и светлячки над лучиной носились как безумные.

Я сидела и доедала похлебку, которую воитель поставил на стол. Фед трудился над хлебной горбушкой. Сам Минт выслушал сбивчивый рассказ о наших злоключениях и в задумчивости проворачивал два медных колечка в правом ухе. В Святобории, родном царстве наемника, не говорили о деле сразу. Сначала хвалили хозяйскую стряпню, обсуждали грядущие праздники или, на худой конец, соседей. Пища священна – так гость, вкусивший хлеба с хозяйского очага, переставал быть чужаком.

– Благодарю за кров и еду, – сказала я, когда молчание затянулось.

Минт отвлекся от своего занятия и вкрадчиво поинтересовался:

– Ребята, да что с вами не так? Это вы должны были навалить тому червенцу.

– Навалить? Мы не воины.

– А почему нельзя было заковать его?! – воскликнул Минт и, не в силах оставаться на стуле, поднялся. Подойдя к огню, он пробурчал: – Вы же колдуете с помощью крови.

– Ложь! – воскликнула я.

– Полуправда, – вдруг сказал Фед. – Но колдовство крови запрещено еще со времен царя Полуночи.

– Почему?

– Ты воин, Минт. Сам знаешь, если человек умер правильной смертью, то душа его вознесется к праотцам и праматерям в Вьсь, а ежели нет – небесная река вынесет неприкаянную душу к корням Древа, и в Нижнем мире обернется она чудью.

Наемник кивнул, продолжая смотреть на наставника с напряженным прищуром. Рождение, свадьба, похороны – переход из одной вехи в другую. Человек во время перехода особо уязвим для злобной чуди, и потому-то колдуны, видящие одновременно все стороны Древа, помогали людям в ритуальных обрядах. Но сейчас обычаи изменились, и даже если человек погребен не по обычаям предков, даже если смерть принял неправильную, даже если ушел слишком рано или слишком поздно – все одно.

– Я знаю, что теперь без слова Закона, оброненного жрецом, ни один обряд не будет совершен как должно, и душа даже не доберется до Нижнего мира, – проговорил Минт. – Становится рабой колдуна. Тот на потребу себе тянет из нее соки, ткет полотно беззакония и порчи, а уж потом, обессиленную, оставляет бродить по Срединному миру. Душа становится слишком слабая, чтобы взлететь в Вьсь, слишком слабая, чтобы утечь в Нижь. Велит ей колдун пожрать человека – пожрет. Слышал, так злые колдуны и промышляют в ночи Червоточины. Утягивают новые души до тех пор, пока не падут от карающей длани Единого – алых жрецов.

Говоря это, он бросал взгляд в правый от двери угол, туда, где стоял идол Странника.

– Люди верят. Жрецы – убивают, – тихо сказала я. – Колдуны бегут.

– А кровь отворяет дорогу, – проговорил Фед с непонятной жалостью в голосе. – Ты можешь и до предков дозваться, и до тех душ, что бродят по свету неприкаянными, и до чуди, конечно же. Но мы больше не... не творим подобных чар.

Так колдовство крови запрещено из-за Чудовой Рати? Я нахмурилась и бросила на наставника недовольный взгляд. Почему он не говорил мне о таком раньше? Боялся, что не пойму? Или не хотел бросать тень на память о колдунах?

Наемник тоже уставился на ящерицу.

– Это и правда ты, Фед, – произнес он со вздохом. – Но раньше ты радостнее говорил о колдунах прошлого.

– Раньше и прошлое казалось радостнее, – отозвался наставник.

Трепещущий огонь осветил забранные в пучок волосы Минта, и мне почудилось, что камень на ленте стал горячее.

– Что изменилось за эти годы?

Воздух вокруг Феда будто бы уплотнился. Эту тему наставник последний год избегал как мог, и пребывание в теле ящерицы ничего не изменило.

– Нам нужно добраться до Линдозера, городка в Святобории, но нас ищут червенцы, – быстро сказала я. – Утром мы сядем на корабль до Светлолесья.

– Там же вас и схватят.

Минт провел свободной ладонью по лицу и посмотрел на меня сквозь растопыренные пальцы.

– Пойти туда, не знаю куда, и найти того, не знаю кого?

Его слова уязвили, но я постаралась этого не выказывать. И к тому же зачем Минту знать, почему я на самом деле так хотела в Линдозеро?

– Ты смеешься надо мной. А сам разве не так поступил? Разве, когда ты вышел в путь, Странник не помог тебе?

– Лес-с-сёна, это не насмешка, – сказал Фед.

Минт грустно улыбнулся.

– Я не могу уйти с вами без дозволения рода. Все эти годы община заботилась обо мне. Каждый уговор подряда – даже в Асканию – оплачивается. Каждый наемник делится с общиной, ведь она отвечает за новых учеников...

Вдруг дверь открылась, и в гридницу вошел мужчина. Его жилистые руки унизывало немислимое количество ремешков, а на груди был оберег с трилистником. Я узнала его. Это был наставник Минта.

– Ясно, – холодно произнес Любомудр и склонил голову набок так, что кольца в ушах звякнули о железные наплечники. – Так это о тебе говорит весь город, колдовка?

Минт поднялся.

– Наставник, я...

– А где Фед? – продолжил Любомудр. – Где ты, хитрец? Опять украл что-то?

Мы с Минтом переглянулись. Фед выполз на мое плечо, и Любомудр, едва взглянув на него, покачал головой.

– Да смилуется над твоей душой Странник. Но те вести о тебе, что я слышал, были куда хуже.

– Ты тоже изменился, – с горечью отозвался Фед.

В глазах воина блеснул лед.

– Недоброе за тобой ходит, колдун. В городе полно пришлых, и они высматривают не только вас. – Лоб Любомудра рассекли морщины. – Нам не нужна война с царствами Светло-

лесья, Фед. А они ищут повод. Так что я повторяю свой вопрос: что ты украл на этот раз? Сманить ученика моего удумал?

– Я и сам могу за себя говорить, – сердито сказал Минт.

Любомудр обвел взглядом гридницу и задержался на столе. Мы вкусили еды, и теперь нас нельзя выставить за порог, не осквернив очаг.

Я вдруг почувствовала прилив нежности к Минту.

– Так-то ты отплатил за доброту, Минт? Бросил тень на весь род. – Любомудр покачал головой. – Я не стану скрывать это перед мечевластителем.

Минт кивнул с мрачным удовлетворением.

– Я сам предстану перед Старейшинами, но сначала...

Парень подошел к идолу Странника, поклонился, а потом вытащил из сундука под ним нечто, обернутое в холстину.

– Сегодня в мой дом за помощью пришли странники, и мой черед отдавать долги.

На лице Любомудра застыла маска гнева и... ужаса. Но он не помешал ученику, а наоборот, застыл с такой прямой спиной, будто кол проглотил. Я тоже боялась пошелохнуться: творился какой-то непонятный мне, чужачке, обряд.

Минт развернул холстину и вытащил из нее проржавевшие ножны, но, вопреки виду рукоятки и остального, лезвие сияло как новенькое. Металл покрывала вязь знакомых и незнакомых рун.

– Заговор-клинок, – прошептал Фед.

– Лесёна, давай руку, – велел Минт.

Я взглянула на наставника, и тот кивнул.

Минт сначала порезал мою ладонь, потом свою. Я заметила, как наши тени расплзлись в стороны и кольнули острыми углами стены. Рана напоминала Червоточину.

– С колдуном из одной кружки пить – мед и яд напополам делить, – процедил Любомудр, когда Минт убрал за пазуху заговор-клинок.

– У нас давно один кубок. – Он махнул рукой на лавки и перины. – Мой дом – ваш дом, оставайтесь столько, сколько захотите.

– А ты?

– Я должен предстать перед Старейшинами.

Когда они вышли, я сжала ладонь. Кровь унялась быстрее, чем тревога.

– Фед, – я опустила перед ним на лавку, – я не могу поверить в то, что это происходит на самом деле. Давно ли старые боги откликались на зов?

Наставник смотрел в угол, откуда на нас взирали резные очи Странника.

– Кто знает? У наемников есть предание: если в дом Старейшины приходит путник, то ему нельзя отказать. Заговор-клинок скрепляет договор, ведь лезвие выковал Странник и отдал в дар отцам-основателям Сиирелл. Это один из трех клинков Сирин-эле. Теперь, где бы ты ни была, Минт будет знать, жива ли ты. Если клинок начнет ржаветь, дела плохи, а если изойдет кровью, то не найдется такой дороги, что приведет тебя обратно в мир живых.

В гриднице повисла глухая тишина. Царапина на ладони горела, а в ушах стоял голос наставника. Колдовство крови ведь под запретом...

– Но разве не кровь скрепила наш договор с Минтом?

– Тот, кто выковал заговор-клинок, превыше любой скверны, – прошептал Фед. – Лучше расскажи, что за сон ты сегодня видела.

– Я видела женщину за прялкой, – несмело произнесла я. – Фед, я, кажется, видела Крылатую.

– Хорошо. – Но голос наставника говорил обратное. – Похоже, я понял, о чем ты толковала.

После встречи с Крылатой оберег словно ожил. От него потянулась тонкая ниточка покрова милости и подарила мне то, что я под ворохом лет хотела спрятать. Что оберег хотел мне сказать? О чем напоминал?

– Значит, ты увидела прошлое, когда коснулась оберега и дерева одновременно, – проговорил Фед, когда я поведала ему о видении под ракитой.

– Память возвращается?

– Рано судить. Но между твоими воспоминаниями и тем, чего ты касаешься, явно есть какая-то нить, – сказал наставник. – Крылатая – управительница нитей. Быть может, твоя жертва была принята, а просьба услышана.

– И как быть теперь?

Фед закрыл глаза.

– Наблюдать, что же еще.

– Почему сейчас? Почему мы?

Он повернулся к идолу Странника и вдруг сказал:

– Коснись его ладонью.

Только сейчас я рассмотрела, что основание идола прилажено к деревянным стенам, а те, в свою очередь, испещрены старинной рунической вязью.

– Ты думаешь, что...

– Ты хотела ответов? Древние боги не только давали нам силу, но и сами уважали нас за нее. А только сильный способен на жертву.

Я подошла к идолу и неловко потянулась к основанию. Одно дело – шептать отчаянно и наудачу, и совсем другое – знать, что за мольбу с тебя спросят.

Готова ли я заглянуть в прошлое? Готова ли узнать, кем был тот парень из моих снов? Откуда у меня самой на запястьях шрамы?

И я окропила рудой своих жил ссохшееся дерево, а другой рукой стиснула теплый оберег.

Наемничьи хоромы подернулись янтарной пеленой, а я будто нырнула под воду. Уши заложило, и очертания вещей смазались. Но одно я видела ясно: тесную горницу Обители. Снова день, когда я впервые появилась среди колдунов. На этот раз воспоминание отделило меня от ощущений, и когда все стало четким, я увидела себя десятилетней, спящую на сундуке с периной. Из кокона шерстяных одеял выглядывали только чистые мокрые косы да распаренное теплым подземным источником лицо.

Рядом сидели Фед и Инирика. Наставник играл на гусях колыбельную, а дрожащая рука женщины вела гребень по моим волосам. Но теперь я чувала: рука эта не по доброй воле колтуньи распутывала.

– Не хочу... колдовать, – прошептала я сквозь сон.

Колдуны, удивленные звуком голоса, прервали свои занятия.

– Ох и намучаемся мы с ней, – вздохнула женщина.

– Она подарок богов. – Фед отставил гусли и поправил на мне одеяло. – Среди нас, колдунов с Пути Созидания, ее некому учить, но пусть Совет доверит девочку мне. Я знаю, о чем прошу.

Инирика встала, отряхнула с подола невидимые пылинки и убрала костяной гребень за пазуху. Она явно пыталась скрыть за этим терзавшую ее мысль, но не смогла.

– Я сегодня толковала ученикам про змеев-аспидов, – тихо произнесла она. – Как они появляются, чем живут... Мне всегда казалось особенно гадким, что змея оставляет в курином гнезде свое яйцо. Ничего не ведающая наседка высидивает его, точно родное. Но помнишь, кто становится первой жертвой аспида?

– Я позабочусь о ней.

– Ты странствуешь. – Колдунья нехотя улыбнулась и неумелым, словно давно забытым движением коснулась гуслей. – А такое колдовство вырвется наружу и станет заметным.

– Я научу ее.

– Но если девчонка будет слишком учена, ты знаешь, что случится. Она может услышать... его. Так же, как и колдуны древности.

– Тогда, когда я закончу ее обучать, она вернется в Обитель. Вдруг она сама к тому времени не захочет жить в Светлолесье? Пусть увидит, каков мир снаружи. А если ты согласишься Совет отдать мне ее в воспитанницы, я не стану рваться в бой с червенцами.

Фед глядел на Инирику мягко, но твердо. Его глаза блестели, как две синие звезды. Колдунья тоже это заметила и потупила взгляд. Даже в полутьме был виден жаркий румянец, заливший ее щеки.

– Тебя привлекает все опасное. – Женищина скривила губы. – Ты бы и сам хотел такую силу, как у нее?

– Было время, когда я бы сказал «нет». Но ее дар... Обращать все в пепел. Разрушать. Это начало, а не конец.

Инирика смотрела на меня с улыбкой, но глаза ее выдавали: она боялась за Обитель, боялась того, что я стану колдуньей Разрушения, над которой не будет власти. Правила предписывали заботиться обо мне, но истина заключалась в том, что Инирике хотелось держать аспида подальше от своего гнезда.

– Ты дал ей имя?

– Лесёна. – Фед снова взял в руки гусли. – Дикая зверек из Светлолесья.

В те разы, когда мы возвращались в Обитель, я пряталась в читальнях, чтобы не встречаться с Инирикой в полутьме каменных коридоров. Глаза колдуньи будто спрашивали: «Чего ждешь от тебя, зверек?» Так неужели оберег напоминал мне о колдовстве? Или о знании моего Пути?

– Что ты видела? – спросил Фед.

Когда я рассказала, наставник вздохнул.

– Каждый колдун от рождения имел дар, но как его развивать, по какой дороге знания и служения отправиться, выбирал сам.

Да, Три дороги, про которые пел Фед, пока вез меня в Обитель: Путь Созидания, Путь Превращения и Путь Разрушения. Колдуны с Пути Созидания создавали связи между всем сущим, и им легче всех давалось исцеление. Фед своими песнями плел целые полотна и переносил слушателей в царство оживших сказаний. Елар срачивал кости и порезы. Инирика ростила травы, ходила по весне засеивать поля рожью и репой. Каждый из них мог дать человеку добро, порадовать Отца-Сола.

– Со времен основания Обители там появлялись и жили только колдуны Пути Созидания. – В голосе Феда слышалось смущение, будто ему неловко за Инирику. – Почему так случилось, никто не знает, но, видно, такова воля богов. Поэтому, когда Древо разбудило твою силу, начался переполох, ведь Путь Разрушения отличается от наших чар, как отличается солнце от луны.

Давно мы не говорили вот так, как прежде. Я снова в полной мере ощущала себя ученицей, и тревога внутри спадала. Я даже не догадывалась, насколько нуждалась в крепком плече наставника все это время! И он тоже будто бы только сейчас это понял. Я видела в его глазах раскаяние: он корил себя за то, что оставил меня на все эти месяцы один на один с даром.

Мой Путь. Я могла рушить связи и сплетения внутри вещей. Обрывать тонкие нити, которыми пронизано все живое и неживое. В Обители сохранились руны пращуров, по которым учились другие, но то были знания Созидателей, мне недоступные. С Пути Разрушения сохранились всего две руны: Арф и Дарица. Из них я научилась плести только два заклятья-узора:

прямой силы и помехи. Без сплетений я могла вызывать только живой огонь, но каждый раз это заканчивалось бедой. Раньше Фед заставлял меня работать с ним, приручать, но после случившегося в Дубравре прекратил уроки.

Каждый Путь – это своя, не похожая на другие, дорога. Когда-то все три были одинаково важны и полезны для мира. Но после того как первый червенец Мечислав сокрушил последнего колдовского царя, все изменилось: колдуны Созидания прячут свой дар от людей, колдунья Разрушения не желает ничего разрушать, а о колдунах с Пути Превращения вообще ничего не слышно.

Про старых богов, в которых верили и почитали пращуры людей и колдунов, давно молчали земли. Сказывали, будто потеряли старые боги силу над Срединным миром, ушли. Что были они не истинными, а всего лишь братьями нашими старшими, вслед за колдунами во тьму ступили, и унесла их небесная река от наших земель... И пришел триста лет назад жрец-человек, и создал Закон, и восславил Единого – того, кто все сотворил, кто дал людям силу и знание оберегать мир, и люди стали поклоняться ему.

Неужели моя неискусная мольба долетела до старых богов?

– Вот почему нельзя отступать от Линдозера, – сказала я, а Фед, подумав, кивнул. – Если в нем таится хоть частица знания, легенды или забытого заклатья, то это уже надежда, уже – награда.

Ведь бывало так, что в старых весях, у бабок-шептуний хранились заклатья. Мы с Федом как-то нашли в двух домах кусочки одного и того же колдовства, спрятанного в колыбельных. Фед извлек из них нити, что-то дописал-выплел сам и соткал прославленную теперь в Обители вещь – заклинание щита.

Теперь же нам ничего другого не оставалось, как ждать возвращения Минта. Я устроилась на лавке и смежила веки. Фед свернулся рядом.

– Не нам гадать, что замыслили боги. Не держись за воспоминания, не ищи их сама. Возможно, тебе уготовано через них увидеть ясность нынешних дней, а не минувших.

Я поразмыслила над его словами. Фед снова заговорил:

– Скоро Ночь Папоротника, а про Крылатую иногда вспоминают перед ней... Может, потому она тебе и явилась? Ты просила помощи в поисках?

Я чуть поднялась на постели. Ночь Папоротника – старинный обряд поиска своего суженого. Девушки и юноши отправляются ночью летнего Солнцеворота в лес, где под покровом тайны соединяют свои судьбы. Неужели об этом пророчила богиня? Я закусила губу.

– Как случилось так, что Крылатая ведает священной Ночью?

Наставник сперва молчал и уж потом, как смежились мои веки, заговорил:

– Мир повернулся, Лесёна. Верховные божества наших пращуров сменились Единым. Имена забыты или поруганы. Все смешалось: простой люд уже не помнит, из каких глубин тянутся обычаи.

И дальше его голос стал совсем тихим, почти неразличимым.

– Про Ночь Папоротника в Обители сказывали так: один из сыновей Отца-Сола полюбил богиню, и добро, если б не была она чужой невестой. Но вспыхнула любовь запретным пламенем, подожгла нити судеб самих богов. Уговорились влюбленные провести одну-единственную ночь в роще мира людей, за священными ракетами, посреди поля, засеянного снами – красными-красными маками. Но явился змей и похитил богиню, унес к себе в недра темные, а молодой Солович, явившийся на встречу, нашел одни лишь слезы, да и те цветком папоротника обернулись. То был знак от любимой, памятка: приложи цветок к сердцу горячему, пламенному, иди через мрак колодезный. Иди, путник!

– Цветок, что отворяет все замки, открывает клады и тайны мира, – сонно прошептала я. – Да, Инирика рассказывала про него. Когда-то Галлая-матушка с его помощью открыла Обитель. Ты видел его когда-нибудь своими глазами?

– Нет. Толкуют, будто встречается он редко, да только чтобы добыть его, нужен особый подход. А люди уж и не помнят о цветке! Не ищут. А вот обычай остался, ведь давным-давно верили, что хозяйка Ночи, Крылатая, приглядит за молодыми и сплетет их нити воедино. Особенно повезет тем, кто отыщет редкий цветок – особый знак. Такая любовь начертана свыше. Хоть и придется ради нее пройти через мрак и не убояться ни чуди, ни людей. Все, Лес-сёна. Отдыхай.

И я спала и не знала, что в ночь Калинового Моста Минт предстал перед главами родов и отвечал за колдунов под своим кровом. Старый обычай защитил его перед Старейшинами, но наложил тяжелый зарок: быть в изгнании и не возвращаться, пока не вернет славу своему роду. Не знала я и того, что на щеки красавицы Лады падали слезы. Откуда мне это было знать? Старейшины дали время покинуть Сиирелл до полудня, а сам Минт еще нескоро рассказал мне о себе...

В ту ночь я вновь видела сон, и в нем на полу плясали блики мертвенного сияния. Холодный ветер с кристалликами льда царапал щеки, сыпал в глаза снег.

Завывания ветра напоминали плач.

– Я найду тебя, слышишь?

«Час настал», – вторил нежный голос внутри.

5 Стрела веры

До залива шли быстро.

Солнце всходило над морем; носились, погружая в воду клювы, белопузые чайки, и даже ветер, такой беспокойный минувшие дни, стих. Я порадовалась: не каждый день природа пребывала в подобном согласии.

Но на этом везение кончилось. Ночные штормы и слухи о колдунах увеличили поток желающих уехать из Сиирелл, и в ранний час в порту столпились торговцы. Городская стража выдергивала путников для досмотра, от пришвартованного судна в Сиирелл спешили темнокожие асканийцы. Торговцы заполнили мостки и, проверяя крепления на телегах, покрикивали на помощников.

Мы встали в очередь на переправу, но Минту наскучило топтаться на месте, и он попер в самую гущу.

– Что ты делаешь? – зашипела я.

– Расступитесь, хапуги, дайте божьему человеку пройти! – Минт толкнул купцов перед нами и обернулся ко мне. – Раз жрецы такие могущественные, надо этим пользоваться.

– Лес-с-сёна, давай за ним, – подхватил Фед.

Но оценить придумку не удалось, потому что плотная (и потная!) стена торговцев не дрогнула и отбросила нас к складам.

– Держитесь. – Фед что есть силы вцепился мне в волосы.

Кое-как претерпев тесноту и близкое знакомство с чужими животами, мы, очумелые, вылезли-таки в конце пристани. Но на крыше склада показался приземистый управитель порта и громогласно объявил, что переправы сегодня не будет.

Толпа разразилась криками.

– Приказ мечевластителя – никого не выпускать, – добавил управитель слабеющим голосом и поспешил скрыться.

Купцы возмущались недолго, на пристани за считанные мгновения стало больше стражи, и волнения, едва зародившись, унялись в самом начале.

– Нельзя плыть? А это тогда что? – Один из купцов указал на две покидающие залив ладьи. – Если они уплыли, значит...

– Глаза разуй, – перебил его другой. – Какой на парусах знак?

Минт прищурился. Я украдкой подняла сетчатое покрывало и тоже всмотрелась вдаль, туда, где к краю моря двигались два судна. На развевающихся парусах угадывалось червенское око.

– Похоже, уплыть могут только жрецы, – с досадой сказал Минт.

– Спрячьтесь, а я осматрю причалы, – велел Фед. – Кто-нибудь точно нарушит приказ.

– Согласен. Мы устроимся на во-о-он тех ступенях за складами.

Мы с Минтом направились к ступенькам, и наемник по-прежнему не стеснялся пользоваться преимуществом в росте и силе, чтобы расталкивать прохожих.

– Эй, пошел вон! – Минт на ходу дал подзатыльник вихрастому парнишке. – Жулья развелось!

– Ты что, забрал у него монетку? – возмутилась я.

– Я забрал ее у вора, она моя. Хочешь, куплю тебе пирожок?

– Давай и его тоже тогда украдем, чего уж!

– Посмотри-ка, какая честная, – Минт со смехом повысил голос. – Будто не знаю, откуда твой наряд!

Я вспыхнула. Минт остановил лоточницу и купил мне пряник, а себе – ватрушку с ревеневым повидлом.

– Ну, Сёнка, не время быть ханжой.

Голод взял свое, поэтому я протянула руку за угощением, и Минт довольно хмыкнул.

Мы уселись на каменные ступени и какое-то время ели молча, изредка бросая друг на друга косые взгляды. Есть приходилось медленно, отщипывая кусочек за кусочком и просовывая их под сетку.

– Что с ним произошло? – Минт отряхнул руки от крошек и утер рот ладонью. – Фед так изменился...

– Может, ты не заметил, но он стал ящерицей.

– Да я не про это. – Наемник смерил меня строгим взглядом. – А про то, что произошло. Почему он надломился?

– Надломился?

Минт кивнул. Я покосилась по сторонам.

– Елар... Он был учеником Феда еще до меня и так же, как он, странствовал. Елар был лекарем с Пути Созидания и не хотел сидеть в Обители. Он считал, что мы должны делиться знаниями. Помогать. Исцелять.

Я остановилась, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. Минт молчал.

– Совет не хотел его отпускать, но Фед настоял. И Елар лечил людей в Дубравре, пока две зимы назад его не схватили червенцы. Фед бросился к нему на помощь, но опоздал. Елара казнил Алый Ворон. – Я проглотила вставший в горле комок. – Ты слышал о нем?

– Да, – с горечью сказал Минт. – Червенец, который стал наместником Ардонийского царства.

Я завернула оставшийся кусок пряника в холстину и провела рукой по своим наручам.

– Их подарил мне Елар, – сказала я. – С наружной стороны они расшиты маками, а внутри отделаны чешуей аспиды. Видишь?

– Вижу, что вашему народу с каждым годом все опаснее находиться в тех землях.

– Поэтому я и еду, разве не понимаешь?

Минт покосился на меня и сдержал вздох.

– Ты это... Прости тогда за сапоги.

– Ничего. – Я улыбнулась. – Еще сочтемся.

Больше никто из нас не проронил ни слова, так и сидели, глядя на море. Царапина на ладони – словно одна на двоих. Так странно было ощущать что-то, связывающее меня с другим человеком... Нареченным братом? Неспроста я, похоже, помянула Елара. Одного брата в Светлолесье я потеряла, но Сиирелл послал нового, и теперь мы оба возвращались на неприступные земли.

Я знала, что половину Светлолесья покрывали лесные дебри. Они тянулись от снеговых цепей на севере до пустошей на юге, где обитали воинственные кочевники Екадии. От одного царства к другому через лес шло множество дорог: самая длинная начиналась у хребтов Ардонии, пересекала Светлолесье пополам и упиралась в золотые копи Святобории.

Светлолесье помнило век Полуночи, но и в нынешние времена людям довелось воевать. Пятнадцать зим назад царь Ардонии объединился с всадниками Екадийских пустошей и пошел на Святоборийские земли. Говорят, не так страшна была бы эта война, если бы не тайная тропа Мглистого леса, ведь именно по ней незамеченным прошло вражье войско. Когда неприятель ступил на земли Святобории, было уже поздно созывать знамена верных князей. Война Трех Царств длилась всю осень и унесла много славных мужей. Сам могучий царь Святобории сложил голову на поле брани, и на царский трон сел его младший брат, но, весь за весью, падали они под напором объединенной рати из Ардонии. И не устоять было бы Злату, стольному свя-

тоборийскому городу перед этой волной, если бы не случай. Одна ночь изменила ход всей войны, когда царя Ардонии уличили в колдовстве и казнили в своей же ставке.

Во главе его войска встал жрец-воевода, который пошел на мировую с новым царем Святобории. Воеводу того звали Драург Алый Ворон. Он был одним из самых прославленных червенцев, а после войны стал наместником Ардонии. Его кровавая слава бежала впереди него. Палач колдунов стал палачом царей и дела своего не бросил...

Я очнулась от мыслей, когда Фед ухватился за припасенный остаток пряника.

– Сегодня отходит еще одно червенское с-с-судно, – сказал наставник с набитым ртом. – Слыхал, что скоро с Черного мыса поплывут работорговцы. Опасные ребята, но...

– Нет, – резко сказал Минт. – Они тесно дружат с морскими разбойниками с Луч-Поясов, и с каждым годом плыть мимо тех островов все опаснее. В том месяце сгнули сразу три купеческие ладьи. Сказывают, что всех вырезали.

Я подавила дрожь. Морская дорога всегда была опасной. Непокойные волны того и гляди утянут на дно, но и им не сравниться с лютым разбойничьим племенем, орудующим на островах. Как быть?

Минт вскочил на ноги.

– У меня появилась восхитительная идея. Одно жаль: вам она не понравится.

Он обернулся ко мне и сжал губы, превратившиеся в четкую полосу, взгляд снова потяжелел.

– Нам нужно сесть на червенское судно.

Я решила, что ослышалась.

Это безумие.

Фед, похоже, тоже лишился дара речи.

– Поднимайтесь. – Минт втиснул свою ладонь в мою. Пальцы сомкнулись, опережая шедшую по пятам тошноту. Горло словно сдавило.

– Это же верная гибель, – едва слышно произнесла я. – Фед?

Наставник прожигал глазами наемника, но ничего не предпринимал. Казалось, Фед без слов понял замысел Минта и теперь просчитывал его сам.

– Я думаю, это может сработать.

Корабль червенцев был больше тех, что обычно прибывали в Сиирелл: могучий, четырехмачтовый. Рядом с ним терялись и купеческие лодчонки из Святобории, и торговые, похожие на толстых рыб, двухпалубники из Аскании. Я как в дурмане шла за Минтом, страх уступил место чувству острой безнадежности.

– Держись у врага на виду, – со смешком, будто отвечая на мои мысли, сказал Минт и потянул меня вслед за собой.

– Как... как, чудь тебя раздери, ты себе это представляешь? – наконец выдавила я.

– Тебе ничего не придется делать: просто молчи! – Минт все сильнее распалялся, в карих глазах затеяли пляску озорные огни.

– Давай попробуем найти другое судно? – Я освободила руку. Остановилась. Наверное, это был порыв малодушия или, наоборот, здравомыслия, но воин ему не внял. Он обернулся, вместо ответа поправил на мне очелье и с шальной ухмылочкой пошел к червенцам.

– Иди, – коротко сказал Фед, и я сдалась.

На судне красовалась многообещающая резная надпись: «Стрела веры». Трюм зиял провалами черных окон, но ни весел, ни гребцов не наблюдалось, хотя слух тревожило мужское многоголосье. Команда, судя по крикам, готовилась к отплытию.

Перекинутую лестницу охраняли в два ряда – в две красные стены – здоровенные червенцы, по сравнению с которыми даже Орт и Эрт казались детьми.

Все мои силы уходили на одно-единственное – идти ровно. Так мы и подошли к причалу: я на негнувшихся ногах, Минт – уверенным прыгучим шагом.

- Кто вы? Назовитесь, – велел чернобородый жрец в кольчуге.
  - Куда плывет этот корабль? – огорошил его – да и меня – своей наглостью Минт.
- Вопрос был задан с таким напором, что червенец опешил и пробормотал:
- В Святоборию...

Расплата была скорой. Болтливое оттеснили свои же, вперед вышли двое и, надвинув поглубже шлемы, воззрились на Минта с плотоядными усмешками.

- Я охранитель мунисы, – заявил воитель тем же тоном. – Возьмите нас с собой.
- А еще чего, щенок?
- Нам нужно скорее покинуть этот оскверненный остров!
- Дождитесь переправы, как все.

Я было обрадовалась, но у богов, похоже, имелись свои планы.

– Что происходит? – Вопрос, требовательно раздавшийся за спиной червенцев, застал врасплох не только нас. Жрецы вытянулись в струнку и разошлись. Сквозь них, волком среди неповоротливых медведей, скользил червенец, при взгляде на которого кровь окончательно застыла в жилах. Колхат! Жив-здоров, даже булавка при нем!

- Стой спокойно, Лесёна! – шепнул Фед.
- Наемник говорит, что муниса должна плыть на «Стреле».
- Срочно плыть, – добавил наемник. Я же мысленно молилась Крылатой.
- Да? – Колхат обернулся и смерил нас взглядом. Но не колючим и цепким, а таким, каким он глядел на меня тогда, за столом. – И к чему такая срочность?

– Дух города отравлен акудным дыханием, и моя госпожа отправляется в путь, чтобы призвать на этот остров своих сестер!

Минт выпятил грудь. Пылкая речь вызвала у Колхата нечто, отдаленно похожее на умиление, поскольку брови его поползли вверх, а лицо таки перекосила улыбка. Остальные жрецы, переглядываясь и не смея рта раскрыть в присутствии своего воеводы, утробно сопели, но руки, все как один, с клинков поубирали.

- Ждите, – сказал Колхат и взошел на судно.

Я отошла в сторону и прикрыла глаза.

«Нам конец, – в ужасе думала я. – Они точно догадаются, кто мы».

В это время Минт с беспечным видом насвистывал «Царевну-бродяжку», испытывая терпение и без того рассерженных жрецов.

Наконец в начале лестницы показался Колхат.

– Единый благосклонен ко всем, кто посвятил свою жизнь борьбе с нечестивыми, – сказал он мягко и пальцем поманил нас к себе.

- Да гореть им в змеином пекле, – отозвался Минт.

Я, шагая за ним, с невольным восхищением отметила, что роль ярого противника колдунов давалась наемнику просто превосходно.

– Мне нравится твой задор, – вдруг обратился Колхат к Минту. – Из тебя может выйти толковый жрец. Не думал?

- Может, и думал, – серьезно ответил парень.

– Ты ведь из Сиирелл, верно? Хочешь, оставайся со мной, а о мунисе позаботятся мои люди на корабле. Признаюсь, я ишу разумного человека с острова.

- Зачем?

– Колдуны долго здесь прятались, но наследили с лихвой. Мы отыщем их, но мне нужна помощь местных.

Минт улыбнулся так, будто ему посулили золотые копи.

- Я дал госпоже слово, – сказал он.

– Славный ты парень. – Колхат коснулся рубиновой булавки на кафтане. – А мне придется, видно, снова переговорить с держателями оскверненной корчмы...

Я вдруг поняла, к чему он ведет. Червенец хотел знать о нас с Федом все подробности, и отвечать ему придется тем, кто был близок к нам. Осе и остальным! Похоже, Любомудр был прав: жрецы добрались и до Сиирелл, раз мечевластитель позволил им такое.

– Что ж, да пошлет вам Единый благословение, – произнес Колхат и обернулся к худому и длинному, как ветка сухостоя, мужчине. – Можете отплывать, кормчий.

Колхат спустился и стоял, наблюдая за тем, как из нижней части «Стрелы веры» появляются весла. Гнусная, жиденькая улыбка не сходила с тонких губ, как бы червенец ее ни прятал.

Кусок стальной глади Моинского моря между кораблем и Сиирелл рос, а я не знала, что делать. От мысли, что Колхат будет пытаться бедную Осю и хозяев корчмы, все внутри сжималось от ужаса.

– Мы ничем им сейчас не поможем, – проскрежетал голос Феда.

Минт, сияя, как новенькая монета, подошел к борту и помахал оставшимся на той стороне червенцам. Я поплелась за ним и, хоть качка была несильная, умудрилась запнуться и упасть.

Озарение пришло в тот же миг. Колхат забудет о допросе, если поймет, что сам посадил меня на судно.

Когда поймет, что враг не в Сиирелл!

И я подняла свое покрывало.

Когда Колхат разглядел мое лицо, его собственное перекошилось от негодования. Он понял, кого посадил на судно. Но было поздно. Ветер глушил голоса, и его предостерегающий крик не долетал до червенцев на судне. Колхат бросился в воду, явно надеясь догнать нас.

– Что произошло? Как он понял? – прошептал Фед.

– Кол... дун... – услышала я. Но к счастью, червенцы на берегу тоже завопили, и голос Колхата и вовсе потонул в общем крике.

Жрецы на судне прильнули к бортам.

– Какого чюдня они вытворяют?! – Кормчий нахмурился и велел одному из своих людей: – Ступай, спроси дозволения развернуть «Стрелу».

Минт положил руку на клинок и загородил меня собой, но внимание на нас никто не обращал. Червенцы с берега прыгали в воду, и все как один плыли к кораблю. Это вызвало такой переполох на судне, что на верхнюю палубу высыпало не меньше двух дюжин ардонийцев вперемешку со жрецами. Я в отчаянии оглядывалась по сторонам, не зная, что делать. Если судно развернут, мы окажемся в смертельной западне.

– Лесёна, – Минт повернул ко мне бледное лицо, – можешь... ну... отвлечь их?

– Ты про колдовство?

– Да! Я-то слышу, что он кричит, но если и другие прислушаются...

– Нет! – отчаяние в голосе Феда, казалось, было осязаемым. Ящерица повисла на одной из моих прядей и больно тянула голову к плечу.

Минт смерил наставника безумным взглядом. В нем ясно читалось, что если мы не подчинимся, случится кое-что похуже. Причем «похуже» устроит лично он сам, Минт.

– Подожди мачту, – процедил Фед, отпуская мои волосы.

Но это был сущий мрак. Такого я не могла себе представить: колдовать в окружении червенцев! Я бросилась к мачте. Минт снова прикрыл меня собой. Переполошенная команда толпилась у бортов и решала, что делать с кораблем.

Я прижала ладони к дереву и зажмурилась.

В этот раз колдовство хлебало мой чистый ужас жадными глотками. Пока чары оплетали волокна мачты, я оседала все ниже на пол. Огонь, зародившийся внутри, словно имел свою волю. Он был слишком силен.

– Хватит! – заорал Фед.

Я не сумела отнять ладони, они будто срослись с деревом. Минт рывком оттащил меня в сторону, и все померкло. По пальцам тек холод, но, добравшись до груди, наткнулся на тепло бережного камня и затих.

– Пожа-а-а-ар!

Я приоткрыла глаза.

Команда бросилась тушить занимавшуюся пламенем мачту.

Колхат не сдавался, но волны усилились, и он не мог одолеть их. Послышался полный ненависти и отчаяния звериный рык.

– Хоть какая-то польза от колдовства, – удовлетворенно протянул Минт, так же, как и я, следивший за Колхатом. – Теперь судно не обгонит даже маара-кобылица. Это был тот хрен, из корчмы?

Я кивнула.

Ардонийцы многократно и истово освящали себя знаменами Единого.

– Что здесь происходит? – спросил надтреснутый голос.

За спинами было не разглядеть, кто это. Я встала на цыпочки и увидела подбитый соболиным мехом ворот. Все на судне притихли, а кормчий, опустив глаза, произнес:

– Господин Колхат прыгнул в воду. Потом загорелась мачта, но мы потушили пожар.

По команде прошел шепоток про женщин и дурные знаки, а потом все, кто был рядом, оглянулись на нас.

– Разворачиваемся, господин наместник? – спросил кормчий, явно стараясь не обращать внимания на вновь нарастающий гул вокруг.

– Нет, – произнес человек в мехах. – Задерживаться нельзя. Разместите наших гостей должным образом, а потом передайте, что Драург Алый Ворон ждет мунису у себя.

6 Алый Ворон

– Отчего ты живешь здесь, Елар?

Дубравр соседствовал с горными кряжами, каменисто-песочная земля была скудна на дары, но в степях жизнь текла еще хуже: кочевой народ пустошей отличался норовистым нравом и силой, и их беспрестанная внутриплеменная вражда выливалась в набеги на пограничные царства. В Дубравре жили те, кто не приспособился к новой Ардонии и не решился пересечь пустоши, чтобы начать все заново в Святобории.

Но и назвать этот город добрым язык не поворачивался. Многие дома были брошены: голодная зима и болезни терзали Дубравр несколько лет.

Елар, высокий, загорелый, изрядно похудевший, обнимал Феда и трепал мои короткие вихры в нашу встречу.

– Всю красу погубили, – вздыхал он. – Куда же девке без кос?

– В степях пусть лучше побудет мальчишкой, – ворчал Фед.

– Ничего, что-нибудь придумаем. – Елар улыбнулся мне и отворил дверь в дом, приглашая. – Я тебе такой отвар сделаю, Лесёна, пуще прежнего разрастутся. Хочешь, будут еще и кудрявыми?

Совет из Обители позволил послать ученика Феда сюда больше года назад, чтобы выяснить, какие вести идут из Ардонии, но Елар остался, чтобы помочь местным пережить зиму, и мы с Федом впервые навестили его.

В Дубравре все было хрупким, точно сделанным из песка, и казалось, будто малого набега и еще одной голодной зимы будет достаточно, чтобы окончательно стереть его в пыль.

Но город выстоял зиму. И еще одну. Елар варил настои из степных трав, принимал людей, и жизнь текла рядом с ним, упорно пробиваясь сквозь невзгоды, как молодая трава.

Позже, вечером, когда мы сидели в маленьком лекарском доме, Елар молча слушал наставления Феда и лишь один раз задал вопрос, но этого хватило, чтобы мы остались при нем на долгие месяцы.

– Ты будешь дураком, если обменяешь свою жизнь на пыль и камни, – сказал тогда Фед.

– Разве ты не знаешь, учитель, что огонь нужней там, где тьма?

– На твой огонь слетится беда, – со вздохом отозвался Фед, и больше они в тот вечер не разговаривали.

Когда мы с наставником появились в Дубравре, слава Елара была уже велика. В его бедный дом с раннего утра тянулась очередь.

Фед следил за работой ученика, оставив свои гусли покрываться желтой пылью в углу. Я же была при Еларе, помогала. Мне нравилось следить за сосредоточенным лицом лекаря, за тонкими, сухими руками, и нравился запах трав – то был запах надежды. Никогда я прежде не видела, чтобы на колдуна смотрели так. Никогда.

Фед мрачнел с каждым днем все сильнее и по вечерам долго спорил со своим учеником, когда думал, что я уже сплю.

Нутром мы все знали, что правда стояла за Еларом.

Шли дни. Когда оканчивалась дневная работа, я ходила учиться танцам у соседки, бывшей невольницы, чья причудливая судьба привела ее сначала из Аскании в Екадию, а затем и в Дубравр. Женщину звали Аса, и ее тело могло рассказывать истории – такие же интересные, как и ее собственная, – лучше слов. Она учила меня диким степным пляскам екадийцев и чарующим змееподобным танцам асканийцев. Мои успехи отвлекали Феда, но не меня саму. Людей вокруг нас становилось все больше, и страх следовал вместе с ними, поэтому я прикры-

вала длинными рукавами запястья, обматывая их полотном. Казалось, любое неосторожное движение выдаст нашу тайну.

– Говорят, летающих змиев видели в последний раз в этих горах. – Елар колдовством сращивал нить за нитью, чешую за чешуей на моих новеньких наручах с маками. – Ты знаешь, Лесёна, что прочней чешуи аспида ничего нет? Вот и ты ничего не бойся.

Он хотел подарить мне кусочек смелости, будто бы она могла стать оберегом. Но ни правда, ни смелость не сумели уберечь самого Елара. К середине лета его взяли червенцы во главе с Алым Вороном.

Вряд ли горожане не догадывались, кто такой Елар на самом деле, но и слуха было достаточно, чтобы однажды ночью в лекарский дом нагрянули червенцы. И когда Елара не стало, город тоже ненадолго задержался в Срединном мире: зимой от мора пал скот, а по весне проказа взялась за людей. Дубравр сожгли червенцы, а оставшихся людей забрали кочевники.

К тому времени мы с наставником были уже в Святобории. Фед оставил меня в Обители и исчез почти на год, а когда явился, это был не тот колдун, которого я знала раньше.

– Наглость – второе счастье. – Минт заглянул в общую комнату и, удостоверившись, что рядом никого нет, вернулся в отведенную нам каморку. «Должный образ» в понимании червенцев оказался скромным. Если мне спальное место подготовили, то охранителю полагалось спать в проходе, на полу. Но Минт не жаловался.

– Пить хочешь?

Воин стащил со стола кувшин, щедро плеснул воды в кружку и протянул мне, но я отказалась. Сиирелл исчезал вдали, а у меня все еще подводило нутро. Фед молчал, также пребывая в подавленном настроении. Ардониец-проводящий сказал, что перед встречей с наместником меня осмотрит другая муниса. Для нас это означало, что с Алым Вороном я столкнусь одна.

Столкнусь с убийцей Елара...

– Не бойся. – Минт плюхнулся рядом со мной. – Трапеза даже на руку, если он чтит обычаи. А завтра мы уже будем в Святобории.

– Алый Ворон – червенец. – Я пыталась унять дрожь. – Лишь во время войны Трех Царств он стал наместником.

– Фед. – Минт поискал глазами ящерицу. – Что скажешь?

С наставником что-то творилось. Когда он узнал, что рядом Драург, то не проронил ни слова. Теперь же Фед застыл на моем плече, как деревянный идольчик.

– Все, что я скажу, – медленно проговорил он, – молчи, Лесёна.

– Они решат, что я не в себе. – Я покачала головой.

– Главное, не трястись. – Осушив кружку, Минт вытащил из-за пояса заговор-клинок и показал чистое, без единой ржавчинки, лезвие. – Видишь, тебе ничто не угрожает... Погодите-ка!

Наемник вернул клинок в ножны, опустил на колени и прильнул к полу ухом.

– Кто-то идет.

Я схватила кувшин и в считанное мгновение осушила его. Фед, снова притихший, переполз на стол и спрятался за сумой.

– Не тряпись. – Минт коснулся заговор-клинком. – Это очередное представление. Тебе не привыкать, да и мы рядом.

– Я проберусь в трапезную, – сказал наставник.

В каморку постучались. Наемник, подмигнув, отворил дверь.

– Крылатая, помоги, – прошептала я и коснулась гладкого теплого камня, подаренного наставником.

Меня отвели в тесную комнатку, где, кроме высокой худой женщины в серой рубаше, находились еще две девушки-прислужницы. От всех резко пахло мыльным корнем и полынной горечью, будто они только что покинули лавку травника.

Мне пригодились напутствия старого просветителя из Сиирелл. Те, кто носит серое, должны быть кроткими и добродетельными.

Я скомканно поклонилась жрице. Ее сетчатый покров был таким коротким, что едва прикрывал глаза и выставлял напоказ розовые рубцы – полосы от шрамов – вдоль носа.

– Сними с себя одежду, сестра, – велела одна из девиц.

Меня осмотрели и ощупали, даже в зубы заглянули. Я старалась не дрожать, но стыд взял свое.

– Украшение? – спросила верховная жрица, указывая на оберег.

– Подарок отца.

Муниса поджала губы.

– А наручи?

Я вспомнила руки, бережно сращивающие чешую аспида над рубцами, перед которыми они оказались бессильны. Вспомнила и подняла подбородок, в этот миг все смущение от наготы покинуло меня.

– От брата.

– Муниса стирает себя перед ликом Единого, и он наполняет ее мудростью, – холодно сказала жрица. – Без жертвы невозможно истинное служение. Запомни.

Благодаря совету Минта я видела себя как будто со стороны, и это уберегло меня от тревожных мыслей. Я смогла сохранить рассудительность, будучи раздетой и пристыженной жрицами Единого. Но хватит ли этого для встречи с Драургом?

– А теперь одевайся, – приказала муниса, – и иди за мной.

Трапезная оказалась на удивление светлой и просторной, хотя все, связанное с червенцами, представлялось мрачным, как подземелье, и нарочито дорогим, как и всякие излишки, которые могли себе позволить люди, обладающие таким влиянием и мощью. В центре стола звенели в такт мерному покачиванию волн серебряные колокольчики. В нишах стен поблескивали светцы, и мне показалось, что за одним мелькнул знакомый хвост...

Во главе накрытого стола сидели мужчина в черном и светловолосая девушка в синезолотом.

Я затаила дыхание, гадая, с чего бы начать.

– Меня зовут Драург Альий Ворон, – опередил меня мужчина.

Это просто игра, часть выступления. Я поклонилась, снова представляя себя со стороны, а когда распрямилась, встретила взглядом с Драургом... И обмерла, точно нырнула в студеную полынью.

Не в силах отвести взгляд, я против воли смотрела на червенца.

Не старик, но тень увядания уже простерла безжалостные длани: иссиня-черная бархатная накидка едва смягчала торчащие углы костлявых плеч; кожа, желтоватая и тонкая, навела мысли о съездившейся от огня бересте, а висков с темными, коротко стриженными волосами, коснулась седина. Левый глаз скрывала повязка, а другой, серый, почти бесцветный, словно одинокая льдинка, плавал в запавшей глазнице, вселяя одновременно и ужас, и отвращение.

– Моя невеста, царевна Уляна из рода Залесских, – между тем произнес наместник, слегка качнув головой в сторону девушки.

Ледяная тяга тут же ослабла.

Уляна Залесская, дочь павшего царя Святобории. Невеста? Избегая нового взгляда червенца, я поклонилась царевне, отстраненно рассматривая символ царства – золотого орла, украшающего тонкий обруч на ее лбу. Царевна сидела вполборота к жениху. Ее взор блуждал по облакам, и ничто, в том числе и мой поклон, не отвлекло девушку от ее занятия. Я вспомнила слухи: в народе поговаривали, что у царевны какой-то тяжкий недуг.

Драург дозволил сесть, и, старательно отводя глаза в сторону, я устроилась за столом.

В тот же миг мне показалось, что воздух вокруг наместника всколыхнулся и потемнел. Почудились тонкие черные руки, ринувшиеся ко мне через стол из-за спины червенца.

Я дернулась и ударилась о стол коленом. Чудь тебя подери! Это не похоже на кротость! – Не по нраву яства? – мягко спросил Драург.

Перебрав в голове все известные мне охранительные заклятья, я перевела дух и наконец посмотрела на наместника. Никаких рук возле него и в помине не было.

«Да что со мной такое творится?» – в отчаянии подумала я, но в тот же миг оберег потяжелел, словно намекая, что мне не привиделось.

– Благодарю, – ответила я. – Я привыкла к простой пище.

Драург приступил к еде, подав для нас тем самым знак. Царевна встрепелась и взяла нож. Я же была настолько встревожена, что живот просто-напросто скрутило в узел. Чтобы занять себя, я приподняла сетку и поднесла к губам холодную кружку. Но едва рот наполнился кисло-сладкой жидкостью, наместник спросил:

– Что с рукой?

Он заметил порез от заговор-клинки! Во рту вместо вкуса киселя из шиповника появилась горечь. Я поставила кружку, оттягивая ответ.

– Упала.

– Бывает, – согласился Драург. – Тебе повезло оказаться на одном судне с верховной жрицей. Она превосходная лекарка.

Верховная жрица, все это время стоявшая у двери, хмыкнула.

– Рана несерьезная, – поспешно сказала я и одернула рукав. – И почти зажила.

– Так это из-за раны ты так поспешно покинула Сиирелл? – Новый вопрос червенца застал меня врасплох, и я, не сдержавшись, встретилась с ним взглядом.

Во второй раз я уже была немного готова к притягивающей силе серого ока, и мой голос не дрогнул, когда я сказала:

– Никто из нас не в безопасности, пока мы ведем войну с колдунами.

Драург облокотился на стол, отчего его острые плечи поднялись резкими буграми.

Наместник походил на ворона...

Алого ворона, в чей клюв угодили не только колдуны.

«Молчи!» – наставление Феда вторило тяжести оберега. Я оглянулась. Губы старшей мунисы превратились в ниточку. Одна только царевна продолжала увлеченно кромсать мясо в тарелке. На мгновение челюсти царевны замерли, а Драург перевел взгляд с меня на кубок в своей руке.

– Сестра моя, ты так молода, но я чувствую за твоими плечами долгий путь. Но это путь к ожесточению. – Наместник покачал головой. – Нам следует быть более сострадательными, ведь колдуны такие же люди, как и мы. У каждого есть дар от Единого, и они когда-то были избраны плести связи между нашим миром и миром божественным.

Должно быть, мое изумление заметили со стороны. Услышать нечто такое из уст червенца... «Да мне никто не поверит!» – я едва не свалилась, когда, в волнении пытаюсь подвигнуться ближе к столу, наступила на полы своей же рубахи. Верховная муниса опять хмыкнула. Но мне не было до нее никакого дела, я внимала словам Драурга, впервые в жизни услышав историю от противоположной стороны.

– Да, колдуны – также создания Единого, – повторил Драург, по-прежнему обращаясь к кубку в руке. – Но им стало мало божественного дара. Они жаждали власти и всеведения, покусились на запретное. Разбудили чудь и духов Нижнего мира, имен которых не стоит произносить. В погоне за всемогуществом колдуны запятнали свои души.

Сквозь все мое тело прошла дрожь. Но то был не страх. Я подалась вперед и вся обратилась в слух. Фед говорил о колдовстве крови, но ни разу не обмолвился про чудь из Нижнего мира.

– Неужели все колдуны злы? А как же те, что живут сейчас? Разве они в ответе за те ужасы, что творили предтечи? Наверняка они даже не знают про свой дар и про чудовищ...

– Это давно не дар, а проклятие, – оборвал меня Драург. – Да, среди колдунов есть те, кто не ведает о былом, но все они рано или поздно начинают искать все большей силы, большей власти. Им начинает казаться, что они разумеют истину. Навязывают знания, забирают наших детей для своих отвратительных обрядов. Ты знаешь, что в табличках Мечислава рассказывается, как колдуны приносили в жертву чуди десятки невинных людей? Ага, вижу, это для тебя ново.

– Разве это не страшные сказки? – выдавила я.

– Допустил бы Единый Червоточину в небе, если бы это не было правдой? Все случилось в Светлолесье и стало воспоминаниями только благодаря таким жрецам, как Мечислав. Благодаря нам с вами. Мы оберегаем Срединный мир и все в нем от колдунов и их чудовищ.

– Господин говорит о Чудовой Рати?

Лицо Драурга засияло.

– Воинство царя Полуночи, да. Твари из недр земли, противные всему живому. Колдун и его слуги призвали Чудову Рать и вместе высосали, опустошили наши земли. Думаешь, отчего Аскания теперь навеки – Обожженная земля? Отчего в центре Светлолесья только лес, в котором никто не живет? Оттого, дитя, что много человеческой крови пролилось там для мерзкой тины. Там, где раньше была людская колыбель, теперь поруганная и брошенная земля и никакой жизни.

Мне же с каждым мгновением становилось все труднее сдерживаться. Казалось, крики времен Полуночи эхом докатились до залитой солнцем трапезной.

– Но... – Я открыла рот для нового вопроса, и в этот миг в одной из ниш послышалось такое скрежетание, словно по дереву скребли когтями. Я закрыла рот и кивнула, хотя внутри все кипело.

– Колдуны слабы, и скоро их не останется, – протянул между тем Драург. Он сложил перед собой руки и устроил на них острый подбородок. – Мы об этом позаботимся.

Я схватила кружку и принялась пить. Скрыть свои настоящие чувства становилось все сложнее.

– Мы похожи, сестра моя. Именно нам Единый отвел непростую роль – находить души под сенью тьмы и выкорчевывать их. Это и есть настоящее сострадание. Ведь если разрастутся губительные семена колдовских душ, мир вновь будет ввергнут в Полночь.

Меня трясло. Когда он говорил, передо мной, словно живой, стоял Елар: бледные щеки, русые, гладкие волосы до плеч и руки, без усталости смешивающие целебные смеси.

– И это урок для всех нас, сестра, – сказал Алый Ворон. – Мы должны помнить, что особенность становится обителью для зла и порока.

Не имело значения, что между нами стол, а мое лицо скрывает покров из сетки, меня прожигало яростью и сдерживаться было выше сил.

– Но разве червенцы... то есть мы... не занимаемся тем же самым? Боремся с колдунами, а сами верховодим царствами. – Я указала на царевну Святобории, которая с громким швырканием тянула напиток из кубка. – Жрецы и власть. Разве наши деяния не следуют той же дорогой?

Светец качнулся и упал, но никто не обратил на это никакого внимания.

Драург долго и скрипуче смеялся. Я молчала. Верховная муниса яростно шептала заветы. Царевна продолжала пить все с тем же звуком.

– Молодость, – с непонятным мне чувством сказал червенец. – Сестра, мы сила, рожденная в ответ. Рожденная Единым. Потому мы будем расти и крепнуть под его благодатным светом. Укрепляй веру, сестра моя. Скоро многое изменится.

Сказав это, он надменно посмотрел на меня и продолжил:

– Мы с Уляной Залесской укрепим Святоборию священными узами нашего супружества. Объединенные Ардония и Святобория очистят земли от оставшейся скверны, вместе возродят благодатные нивы, изгонят последнюю память о нечестивых колдунах и их делах.

Девушка отлепилась от кубка и горячо закивала.

– Но ты обещал показать мне красивое озеро, – требовательно сказала она. – И березки с глазами!

Это были первые слова, которые она произнесла за все время. Я с легкой жалостью подумала, что слухи о немощи святоборийской царевны правдивы.

– Моя драгоценная, – Драург сделал знак, и к Уляне шагнула верховная муниса, – сначала мы покажемся дядюшке в Злате и принесем свадебные обеты.

– Нет! – Уляна хлопнула ладошкой по столу. – Я хочу увидеть озеро... озеро...

И вновь проявилось наваждение: от Драурга к царевне тянулась, по-паучьи перебирая в воздухе пальцами, рука-тень.

«Оборони, Крылатая», – взмолилась я в иступленном отчаянии.

– Я вспомнила! Линдозеро! – вскрикнула царевна.

Показалось, будто в меня ударила молния, и обожженная, ослепленная, я беспомощно ухватилась за обрывки прозвучавших слов.

«Линдозеро...» – повторяла царевна.

– Что в Линдозере? – я не сразу узнала свой голос.

Драург рассмеялся. Хрипло, надсадно. Верховная муниса пыталась вывести Уляну из-за стола, но червенец, не прекращая смеяться, осадил ее.

– Великая тайна алой Ветви служения. – Губы Драурга чуть дрогнули.

В следующий миг смех перерос в булькающий кашель, червенец схватился за грудь и сжал в кулаке антрацитовую ткань кафтана.

Верховная муниса схватила со стола серебряные колокольчики и яростно затрясла их.

Я отпрянула, но обрушились непрошенные мысли: «Он так близко, только протяни руки! Перехвати зашедшееся в огне горло... и все! Алый Ворон никогда не раскроет клюв!»

Оберег раскалился.

«Отомсти за Елара!»

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как корчится Драург. Как мелькает в отвороте черного беззащитное горло.

Если нить моей судьбы в руках Крылатой, если и правда есть грань между колдунами и жрецами, то сейчас она – та стена, на которую я не осмелюсь карабкаться.

В трапезную влетел слуга с кувшином и наполнил кубок наместника дымящимся питьем.

Муниса, придерживая за доньшко кубок, помогла наместнику допить варево. В это время царевна взяла в руки колокольчики. Она разглядывала их с открытым ртом и не сводила глаз с переливающихся серебряных соцветий.

– Я представил на миг, что было бы, если б колдуны слышали наш разговор, – сказал Драург, едва осушив кубок.

Слова долетали до меня, как из глухого колодца, а взгляд, обессиленный, но все такой же холодный, снова тянул из меня слова.

– Но... почему Линдозеро?

Муниса укоризненно цокнула языком, но смолчала. Наместник извлек из-за пазухи бело-снежный платок.

– Линдозеро когда-то было оплотом червонных жрецов, – ответил Драург, помедлив. – Сам Мечислав совершал там подвиги. В Линдозере до сих пор живут его потомки. Вы не знали?

Я покачала головой.

Нет.

– Могу я надеяться на твое молчание... сестра? – Червенец промокнул платком потемневшие губы.

Глядя на то, как ткань окрашивается разводами, я отчетливо осознала, какие намеки таятся в его вопросе.

И вдруг резко, с хорошо знакомым звуком лопнувшей струны сложился смысл: тогда, в корчме, Колхат понял, кто я, когда прозвучало упоминание этого города. Все прочее стало лишним, словно небо надо мной треснуло, с грохотом обрушилось осколками и одновременно удушающей тишиной безмолвия и безветрия.

Я узнала слишком много.

Сожаление, промелькнувшее в сером глазе Драурга, оказалось красноречивее любых слов.

– Да, – произнесла я едва слышно.

– Я рад, что мы достигли согласия. – Медовая улыбка сочилась ядом, той жижей, которую он испил. – А теперь, если позволите, я отдохну. Морские путешествия... изматывают.

Как в тумане, я поднялась, поклонилась и покинула трапезную, спиной ощущая взгляд наместника.

7

В пучине морской

Ночь на корабле я встретила в отведенной каморке. На полу лежал тюфяк с соломой, на столе стояла плошка с нетронутой трапезой – ломоть подсушенного хлеба с козьим сыром. Делить пищу со жрецами никто из нас не стал.

– Минт, я не могу просто сидеть!

– Все, что ты уже могла сделать, сделала, – отозвался он. – Так что будь добра, посиди.

Фед сказал, что ему надо разведать обстановку на судне, после чего надолго исчез. Минт остался сторожить снаружи.

К концу дня «Стрела веры» нагнала червенскую ладью, но потом случилось затишье, и теперь два корабля мирно покачивались на волнах бок о бок.

Из обрывков разговоров я слышала, что Драургу крепко нездоровится и что верховная муниса совсем не со жреческой скромностью требует скорейшего прибытия в Светлолесье. Кормчий даже шарахнулся на лестнице, приняв меня за нее.

– Им бы сейчас не помешали колдуны, да? – сказал с мрачным удовлетворением Минт. – Колданули бы ветер по-быстрому.

Я молчала. Беспокойные мысли о Линдозере, Драурге и ржавчине на клинке не покидали меня ни на мгновение.

Каждый колдун в Обители знает, как давно они воевали с червенцами в последний раз. Когда Мечислав победил ужасного царя Полуночи. Нам говорили, что жрецы истребляли остальных колдунов за то, что мы отказывались забывать свои обряды и следовать за новой верой. Мы хранили прошлое. Но я задумалась: а чему из этого самого прошлого я могу доверять? И про какие кровавые обряды говорил Драург? Что значит: царь Полуночи призвал чужд из Нижнего мира? Разве это возможно?

Целый рой вопросов пронесся у меня в голове, и ни на один из них я не знала ответа. Неужели все это выдумали червенцы для того, чтобы поселить страх и отвращение к таким, как мы? Правда это или нет, но если тайна алой Ветви действительно существует и находится в Линдозере, то знает ли о ней Фед? Как эта тайна связана с легендами о Полуденном царе?

– Опять какая-то возня внизу, – пробормотал Минт. Через дверь его голос долетал глухо. – Но рядом все спокойно.

– Может, поспишь пока?

– Нет, – отрезал он. – Это затишье такое же обманчивое, как и то, что за бортом.

Чтобы разбавить тревожное ожидание, я вытащила из сумы старую карту Светлолесья и принялась подробнее изучать Святоборию. Обитель тоже находилась в этом царстве, и восточная ее часть, равно как и южная, были мне знакомы. Линдозера на карте не оказалось. Судя по всему, это был какой-то глухой угол, отрезанный от основных дорог. Скажем, торговый путь из Злата в Курнузлах как раз пролегал неподалеку от дебрей и болот. Там могло затеряться все что угодно, начиная с поселений и заканчивая разбойничьими логовами. Найти город, про который нельзя говорить, казалось почти такой же безнадежной задачей, как пройти все Светлолесье без денег в кошеле. Но на сей раз о продаже берега я не помышляла.

Постепенно усталость взяла свое. Я погасила лучину и устроилась на тюфяке. Теперь, в темноте, облик Драурга возник как наяву, словно давно был отпечатан на внутренней стороне закрытых век.

И наместник улыбался. Меж разомкнутых, окрашенных бурым губ зиял провал и блестящие желтоватые корешки зубов. Неужели в свой последний час Елар и другие колдуны видели нечто подобное?

– Полуденного царя на вас не хватает, – упрямо произнесла я вслух запретные слова, надеясь, что они отпугнут призрачный образ.

Но Драург улыбнулся, и его темная и глубокая, точно бездна, ротовая щель заворчалась, круша и перемалывая в труху его же зубы, а затем и все вокруг.

Я забылась тревожным, зыбким сном.

Хоть бы Драург не вспоминал наш разговор так же, как я сейчас...

Слепящие огни. Огромные дома, отражающие свет во всех направлениях. Хрупкие, но такие высокие, что касаются облаков. Море красок. Так много света! Я никогда не видела такой светлой ночи.

Я лечу над скопищем огней, прикасаюсь к зеркальной глади стен... Чудно. Это так чудно, что я радостно кричу и раскидываю руки в стороны. Свобода!

Зубцы-исполины расступаются.

Я вижу под собой дремучий лес и мерцающее вдали озеро.

Лечу все ближе. Кажется, это так важно – увидеть себя в отражении воды.

Но свет меркнет. Клубится, разливается густая тьма туч, и ветер, словно живой, вьется вокруг, шепчет со свистом:

– Почему не убила наместника? Почему? Ты могла... Ты могла!

В небе тают алые всполохи. Томится, томится в облаках Червоточина.

И там, в этой черноте, по-настоящему горят только два огня: зеленый и янтарный. Два глаза.

– Пусть его судят боги.

И чем дольше я смотрю, тем сильнее тянет меня к себе озеро. Потушить бы скорее жар, остудить бы тугую, странную, зовущую тоску.

А ветер ревет, словно разъяренное животное. Небеса расчерчивают треугольные хвосты неведомых созданий...

И я камнем лечу вниз, скорее к спасительной воде.

Я открыла глаза и тут же кубарем свалилась на пол, едва успев выставить перед собой руки.

– Лес-с-сёна! – Голос Феда разбудил меня окончательно. – Ну и крепко же ты спишь.

– Что стряслось? – Я потерла ушибленные локти.

– Минт спустился в самый низ.

– Проголодался, наверное. – Я ухмыльнулась, а в следующий миг пришлось зацепиться за стену, потому что судно накренилось.

– Но его долго нет! Надо пойти, проверить, все ли в порядке.

– Ты прав. – Я подставила ящерице руку, но пол под ногами снова затанцевал, и я упала.

Снаружи хлестал дождь, наверху трещали мачты. Казалось, будто ярость и ветер, что недавно бушевали в моем сне, каким-то образом прорвались сюда.

Я взяла с собой суму и, отгоняя предчувствия, добралась до двери. Фед вскарабкался по плащу и занял свое привычное место на плече.

– Минт!

Никто не отозвался, и я вышла.

Общая комната тонула в темноте. Жрецы спали, но по полу, постукивая, перекатывались выпавшие из светцов огарки. Мы с Федом одновременно уткнулись взглядом в глухую черноту в торце.

– С-с-ступай, – едва слышно произнес наставник.

Взяв со стены уцелевший светец, я вцепилась в косяк. Пол дрожал, как припадочный, норовя опрокинуть меня на спину. Когда я спустилась, мрак стал еще гуще, а завывания ветра

за бортом – еще надрывнее. Пахло кислотой и гнилью, а подошвы сапог утопали в бурой слизи. Видимо, где-то не выдержала бочка, и я подоткнула рубаху, чтобы не испачкать подол.

Огонь недоверчиво рассекал темноту, словно сомневаясь, надо ли нам здесь находиться. Бочки и ящики выпирали из темноты, а канаты, удерживающие их от качки, натягивались и трещали. Снаружи раздался новый раскат грома...

– Лесёна, прячься! – крикнул Фед.

Но колдовство ринулось вперед меня. Пламя светца раздулось в шар, поглотило его и каплями полилось на пол. Свет выхватил резкие тени, сплетающиеся в яростной борьбе.

– Прячься! – меня отшвырнуло громовым криком Феда.

Я опомнилась, лишь когда повисла резкая тишина. Вонь стояла несусветная: запах гари смешался с запахами паленых шкур. Показался Минт. С разбитой губы на кожанку сочилась тонкая струйка крови. За ним лежало распростертое тело в серых одеждах, но вместо ответов он мотнул головой. Мрак скрывал очертания, но по полу, смешиваясь с жижей, ползло красноречивое багровое пятно. Я подошла ближе и узнала одну из тех угрюмых девиц, что сопровождали верховную мунису.

– Прости, пришлось выманить. – Минт сплюнул в сторону и бегло осмотрелся. – Ее послали за тобой.

– Постой... Так это вы вдвоем придумали? – Я с трудом оторвала взгляд от тела. – Приманить ее мной?

– А что еще оставалось делать? Фед слышал, как верховная муниса приказала избавиться от тебя.

– А Драург?

– Ему не до нас. – Минт достал заговор-клинок и, удостоверившись в чистоте лезвия, спрятал обратно в ножны. – Фед нашел здесь укромное место. Мы переждем до утра, а потом придумаем, как выскользнуть.

– Нас будут искать. – Я подняла едва тлевший светец выше. Тени легли на лицо воителя, сделав его старше и подчеркнув напряженные губы и брови.

– Начался шторм, наверху переполюх. – Минт огляделся и стер алую дорожку с подбородка. – У нас есть время спрятаться...

– Но...

– Хватит! Я и так ничего, кроме твоего голоса, не слы...

Ба-бах!

Днище вспыхнуло нестерпимым зеленым, а потом с оглушающим треском ломающегося дерева провалилось в холодную булькающую мглу.

– Бегите! – закричал Фед.

Резкий крик Минта слился с моим, и, едва разбирая дорогу и перепрыгивая ящики и бочки, мы бросились к лестнице.

Позади хлюпало и прорывалось внутрь судна Моинское море.

В общей комнате сновали разбуженные червенцы, но на нас никто не смотрел: обмениваясь руганью, все готовились пережить бурю. Но у Минта было другое мнение. Сквозь треск я услышала голос:

– Судно не выдержит!

Мы выбрались на верхнюю палубу. Темно-синее небо заволочла пелена грязи, а над кораблем развернулась воздушная воронка. Спираль изрыгала стрелы-молнии, окрашивая одичавшие волны зеленым светом.

– Лесёна. – Минт задрал подбородок. – Это похоже на...

– Колдовство, – выдохнула я. Такого я никогда раньше не видела и даже не знала, что сейчас кто-то способен на подобное. Молнии, одна за другой, били в море со всех сторон «Стрелы веры», и величавое судно уступало напору.

Я еле отняла Феда от рубахи и упрятала за пазуху.

– Держись!

Ладью по соседству бросало, как беспомощного котенка. Люди вокруг нас со священным ужасом смотрели в небо, кто-то спешил укрыться на нижней палубе, кто-то держался за снасти.

Словно разбушевавшийся великан лепил из туч вихри и молнии, и грохот стоял такой, будто сами боги скачут в колесницах.

Это было завораживающе... И так похоже на сон.

В тряске и гаме бедствия звучал какой-то свой ритм, и мне это... нравилось. Со странным волнением я раскинула в стороны руки, позволила себе улыбнуться восходящему в небосвод вихрю.

На палубе показался Драург. Он оглядел судно и полыхающие зеленым заревом небеса. Наши взгляды пересеклись, и на мгновение – всего лишь на мгновение – я ощутила ярость, страх и такую боль, словно все мои шрамы открылись и кровоточили. Лицо Алого Ворона исказилось гневом, но в это время молния с гулом впиалась в левый борт корабля.

Полетели щепки.

Я поскользнулась и выпустила из виду черный клювастый лик червенца, а когда поднялась, никого не было. Всполохи, то яркие, то бледные, поглощали суда.

Люди прыгали за борт во вскипающее зеленую море.

– Земля! Земля! Скалы! – надрывался кормчий.

Из завихрений тьмы и света проступили зазубрины камней, и на них обрушилась ладья.

Один из парусов на «Стреле» под напором урагана развернулся. Ветер подхватил его и рывком разломил мачту надвое. Мы отбежали в сторону, когда она рухнула вниз.

Пол треснул. Со свистящим звуком вылетели доски и смялись железные ленты обшивки.

– Минт, что будем делать?!

Он схватил меня за руку, и я скорее догадалась, чем услышала:

– Прыгнем!

«Но это верная смерть», – хотела сказать я, но не стала.

Мир вокруг превратился в сплошной ураган из воды и щепок, в круговорот дикой природной красоты и невероятной мощи. Вода хлестала в уши, попадала в рот, солью въедалась в глаза.

Морская бездна раззявила пасть.

– Держись! – крикнул Минт, и судно швырнуло на скалы.

8

Вечер у костра

Пришла в себя я резко, когда Минт шлепнул меня по щеке, поочередно поминая то богов, то змеево пекло.

– Богохульник. – Я приподнялась на локтях. Во рту перекатывались песчинки, и я сплюнула их в сторону, после чего протерла глаза.

Узкий берег, на котором мы сидели, поджимал к воде поросший травой косогор. В море победоносно щерились выпирающие, словно клыки, скалы. В одном из таких зубов торчал остаток мачты с парусом, и искромсанный червенский глаз на нем волочился по воде, уставившись в небо, точно разбухший утопленник.

– Он наверняка погиб, – с непонятным чувством сказал голос рядом. – Жаль.

Я обернулась: ящерица грелась на солнце, зарывшись в песок почти целиком.

– Кто погиб?

– Драург. – Фед оглядел меня так, будто впервые увидел и повторил:– Жаль.

– А где остальные червенцы? – собственный осипший голос звучал скрежетом древней старухи. Я откашлялась, и горло запылало от жажды.

Минт отстегнул от пояса баклажку и протянул мне со словами:

– Здесь они. Неподалеку. – Он отвернулся, помедлил, но все-таки договорил: – Но они не причинят нам вреда.

– А Драург? – спросила я, дрожащими руками поднося питье.

– Не знаю. – Минт покусал губы. – Я не присматривался, есть ли среди них живые. Но нам лучше уходить, Сёнк. Второй раз может и не... повезти.

Рассвет разукрашивал берег золотисто-розовым. Произошедшее казалось сном, правдоподобным мороком. Червенцы получили свое. Так отчего внутри так пусто и глухо, а сердце щемит при взгляде на вздувшиеся пузырями красные плащи?

– Что все-таки произошло?

Минт поднялся, зачем-то отряхнул разодранные до колена штаны, хрустнул пальцами и, лишь когда я с раздражением повторила вопрос, ответил:

– Да я и сам толком не понял – упал в воду, а открыл глаза уже здесь.

– Как мы уцелели?

Я попыталась встать, но удалось лишь со второго раза.

– Так это не ты сделала?

– Не поняла...

– Буря-то была заколдованная.

Воитель отвернулся. Когда я поднялась, сквозь расползшуюся ткань выглянула нижняя рубаха. Жреческое облачение приняло столь утрашающий вид, что, увы, никуда не годилось. Не обращая внимания на старательно отводящего глаза наемника, я произнесла:

– Ты о весло ударился, что ли? Мне не под силу такое плести!

– Если это не Фед и не ты... тогда кто?

– И как нам всем удалось уцелеть? – спросила я сама себя и еще раз прочертила взглядом по сумятице вокруг. – Фед?!

Мы с Минтом обернулись к наставнику. Вид у ящерицы был не просто не встревоженный, а вызывающе безмятежный.

– Мы упали в море, и нас отнесло к берегу, – сказал он.

– А ты видел, какая была воронка в небе? А зеленый цвет? А...

– Лесёна, а знаешь, что видел я? – не отступал Минт. – Ты радовалась! Будто знала, что такое должно было случиться!

Мой голос замер на вздохе. Сон. Гневный взгляд, обрамленный тяжелыми тучами. Будто сам Полуденный царь явился на помощь. Я всегда ждала от него справедливости, но совпадение ли странный зеленый шторм? Или это наши колдовские боги в гневе вздыбили морские глубины?

– Чего молчишь? – Наемник прищурился. – Стыдно?

Я хотела рассказать о сне, но негодование, мелькнувшее на лице Минта, изменило мое решение.

– Обвиняешь меня во лжи, а сам, оказывается, подумывал стать червенцем, – проговорила я едко. – Но ты же друг колдунов, как же так, а?

Наемник отпрянул, как от пощечины, свирепо развернулся и побрел по отмели валким шагом.

Фед взобрался на мое плечо и устало проронил:

– Лесёна... Ну зачем.

– А что? – зашипела я. – Откуда мне знать, как налетела буря?

Я поплелась следом за Минтом. На душе было скверно. Сны-видения вдруг стали настолько сокровенны, что казалось неправильным говорить о них вот так. Да и признаваться в подобном – все равно что выйти на люди без одежды. Неправильно, неловко, да и Фед с Минтом наверняка сочтут меня безумицей.

Я хотела было бросить вслед Минту просьбу о примирении, но он с таким усердием собирал по берегу вещи, что было понятно: одними словами тут не отделаться.

– Знаешь, Лесёна, Минт вчера спас тебя от большой беды, – прошептал Фед. – Кто знает, чем все кончилось бы, не настигни нас буря?

– Он отдает тебе долг, разве непонятно? Вот затем он и идет с нами. И еще... Ты же слышал тогда. В Асканию с Ладой его бы не пустили. Вот он и решил поискать славы в Светлолесье! Минт просто хочет утереть нос Старейшинам.

Наставник тяжело вздохнул.

– Я видел вчера кое-что странное. Алый Ворон сидел над железными таблицами, и на таблицах тех были выбиты руны. Драург без конца бормотал себе под нос что-то на языке, который я никогда прежде не слышал.

Я выпрямилась. Чтобы Фед не знал про какой-то язык? Но самое удивительное было еще впереди.

– Приходила мунис-с-са, убеждала его наказать тебя, но Драург просто выгнал ее. Я уже хотел уползти, но тут вдруг покои затянул густой дым... И в нем появилась тень мужчины в царском венце! Драург побелел, прошептал: «Не может быть!» – и все озарилось зеленью. Вскоре началась буря.

Могло ли быть такое, что Драург и сам был колдуном? Или он пользовался какими-то колдовскими уловками, чтобы удержать власть, помыкать людьми? Я вспомнила длинные руки, рвавшиеся ко мне и царевне через стол. Да, мог.

И многое бы поменялось, знай люди правду об Ардонии и ее кровавом наместнике! Я с досадой швырнула свою промокшую суму обратно в песок. Фед молчал, но угадать его мысли было не сложно. Как бы ни был лют и хитер старый враг, теперь его кости глодали рыбы, и правду, открывшуюся нам случайно, тоже унесло море.

– Вы слышите?

Минт махнул нам рукой, указывая на чахлую рощицу вдали. Сквозь шум волн до нас долетали какие-то голоса.

– Червенцы?

Наемник не ответил. Он забросил на спину плотно набитую суму и припустил к деревьям.

– Фед, он бежит не в ту сторону, – простила я сквозь зубы. – Надо бежать от людей, а не к ним!

– Следуй за Минтом.

Я из последних сил поплелась по следам за наемником.

– Ненавижу, когда он так делает...

– Это не червенцы, – сказал Фед. – Я слышу песню!

Вскоре мелькнула полоса дороги. По ней двигались повозки, затянутые цветастыми покрывалами. Самой первой правил мужик в зелено-красных одеждах и с черной окладистой бородой. Я запнулась и скатилась в овраг к затаившемуся Минту. Завидев меня, возница резко натянул поводья и оборвал песню. Караван остановился, и из мельтешения цветов и узоров вынырнули любопытные лица смуглокожих мужчин, женщин и детей.

– Вакханы, – сказал Фед и перебрался ко мне на макушку.

Вакханы когда-то перекочевали в Светлолесье из Аскании. Ныне они странствовали по городам и так же, как мы с наставником, давали представления.

– Тп-п-пру! – Мужчина широко улыбнулся. – Наконец-то.

Мы с Минтом переглянулись.

– Садитесь в последнюю повозку, там наша Айрике, – сказал вакхан. – Она поможет.

Во всех смыслах путешествие становилось все более странным.

– Добрый господин, а разве мы встречались ранее? – спросила я.

Бородач покачал головой, потер переносицу, а затем снова обратился к нам:

– Был знак, что сегодня нам встретятся три путника, которым нужна помощь. Сам Странник говорил с нашей лекаркой. Где третий?

Я молча указала пальцем на привставшего на задние лапки Феда у себя на голове.

– О-о-о, – протянул с округлившимися глазами вакхан. – Священная загадка!

– Лесёна, – едва слышно процедил Минт. – Это точно не ваши штучки?

Я отцепила от волос Феда и пересадила его за плечо. Похоже, кто-то или что-то очень хочет, чтобы мы быстрее добрались до Линдозера. Крылатая? Иной древний бог? Я погладила оберег и спрятала его под одежду.

– Разве есть дурное в вещих снах?

Минт прищурился, а Фед произнес:

– Только если они пророчат беду. Вот знавал я как-то одну песню...

– Эй, ну долго еще вас дожидаться? Садитесь к Айрике, она вас ждет, – с ласковой улыбкой повторил бородач. – А меня Милошем звать.

Минта явно сбивало с толку неожиданное везение. Сдвинув брови, он пристально обшаривал взглядом караван, но не находил подвоха.

– Мы держим путь в Березань. – Милош осадил нетерпеливо переступающую лошадь. – А вам куда?

Я вновь обменялась с Минтом взглядами. За ссорами мы забыли обсудить наш следующий шаг.

– До ближайшего города, – с нажимом сказал наемник. Я не стала спорить.

– Чуть погодя будет развилка на Выторг. Пойдет?

Минт направился к повозке, а я, поколебавшись, за ним.

– Айрике хоть и плохо знает ваш язык, худого не сделает! – крикнул Милош вдогонку.

Внутри сидели женщины и ребятня разного возраста. Нас встретила седовласая вакханка. Она улыбнулась Минту, когда тот поприветствовал ее знаком Странника, но прохладно скользнула взглядом по остаткам моей жреческой рубахи.

Повозка тронулась. Дети и женщины говорили между собой на быстром птичьем языке, смеси асканийского и какого-то незнакомого мне наречия. Вакханки с детьми, не смущаясь,

разглядывали нас, а затем сунули мне в руки какую-то плоскую жареную лепешку, и я начала жевать, почти не чувствуя вкуса.

На веревках у самого потолка раскачивались платки, густо пахло травами и землей. Женщина – видимо, та самая Айрике – вытащила из вороха одежд сундук и распахнула крышку.

В повозку ворвались неприятные запахи, и дети, как один, сморщили носы.

Поверх одежд в сундуке лежали старые карты. Я подумала о том, чтобы спросить, не знают ли вакханы, где находится Линдозеро, но осадила себя. В минувшие дни одно лишь упоминание этого места навлекло на нас беды. Проще всего добраться до Выторга и поискать там карту.

Айрике, покопавшись в куче цветастой одежды, вручила нам по комку тряпиц. Фед переполз от меня к Минту, женщины отгородили нас друг от друга, и мы переоделись.

Мне достался наряд цвета небесной синевы с перламутровыми бусинами. Когда-то он, должно быть, был в разы темнее, и бусины эти выделялись на нем словно звезды на ночном небе. Но цвет поблек, шитье истрепалось, а перламутр облупился и кое-где осыпался. Одна только вязь, покрывающая высокий ворот, все еще мерцала серебряной нитью и издали походила на звезду. Это не святоборийский наряд. Многослойность, цвета и покрой говорили, что раньше эти вещи принадлежали девице из Аскании.

Когда мне без чужой помощи удалось справиться с завязками и обернуться поясом, смуглая девчонка, лет пяти от роду, закивала головой и залилась одобрительным смехом. Кто знает, может, среди моих предков затесались выходцы из этого кочующего народа? Я вполне могла сойти за свою с такими же широкими бедрами и скромной грудью, как у вакханок.

Под тесьмой я нашла зацепившуюся за нитки старую лунницу без камня и покрутила ее в руках. Видать, когда-то лунница сломалась, и ее забросили сюда с ненужным хламом. А мне бы такая пригодилась... На мой намек Айрике кивнула, мол, забирай себе, чего уж.

Вдруг Айрике нахмурилась и указала на оберег. Потом коснулась моего лба сухими шершавыми пальцами и что-то пробормотала.

– Что это значит? – Я тоже коснулась лба. – Ты... колдунья?

Но ответила мне девочка:

– *Ро узерго тильвида прио*. Она сказала «открытая дверь».

Маленькая вакханка слабо улыбнулась, а Айрике снова что-то быстро проговорила.

– Она говорит, что над тобой плетут сети, – медленно, словно нехотя, произнесла девочка и одарила меня строгим, недетским взглядом.

Я уставилась на Айрике, но та только улыбнулась и подтолкнула меня к Минту. Ему достались серые кожаные штаны и поношенный чехол сизо-голубого цвета, под которым он спрятал кольчугу. Но на меня Минт даже не поглядел и отвернулся к любопытной ребятне. Ну и ладно! Я приткнулась в углу и уснула, сдавшись отупляющей слабости. В одном с наемником я теперь согласилась: от нашей дороги веяло недоброй удачей, и загадок на ней становилось все больше.

К вечеру повозки остановились, и мы посыпались наружу, словно вызревший горох из стручка. Минт сразу захотел идти дальше пешком до Выторга, хотя вакханы предложили нам переночевать с ними. Но он явно решил побыстрее довести меня до Линдозера и распрощаться. Ночной пеший поход – а то и бег! – вместе с неприветливым нынче наемником? Ну уж нет! Я быстро согласилась на предложение вакхан и отправилась помогать с вечерней трапезой.

Минт метнул мне вдогонку сердитый взгляд.

У повозок меня за рубаху поймала чья-то маленькая, унизанная браслетами, рука. Та же девочка, что перевела слова Айрике, протянула мне свиток.

Я насторожилась, но взяла его. Это была карта. Настолько старая, что названия городов и царств едва виднелись под слоем грязи.

– Почему вы помогаете нам? – недоуменно спросила я.

На этой карте Светлолесье было вписано в ствол исполинского Древа. Три мира: наш, людской, – на стволе, божественный – в ветвях, а мир чуди и мертвецов – в корнях.

– Перед Странником лежит множество дорог, и никогда не знаешь, что случится завтра, – сказала маленькая вакханка. – Путники помогают друг другу.

Прежде чем я смогла ответить благодарностью, она нырнула в стайку детей.

Неподалеку от моста, в тени раскидистого дерева кочевники разожгли костер и водрузили над ним огромный, черный от копоти котел. Я закончила свою часть работы – чистку корней – и поскорее уселась рядом с огнем. Неподалеку дети облепили Минта и с восхищением рассматривали его меч. Наемник улыбался, придерживал одной рукой свою набитую суму и что-то показывал на клинке другой. Фед, сидевший в волосах воина, тоже глядел на ребятню. Милош выудил из-за пазухи рожок, и в небо полетела музыка.

Я достала карту и принялась ее разглядывать. Город Линдозеро, как я и думала, нашелся на севере, на перекрестье старого торгового пути в Курнузлах, дальнего порта Святобории. Дойти до него можно, минуя городок Выторг и простирающиеся за ним болота. Большой крюк. Нет ли иной дороги?

– Город от нас в нескольких днях пути. – Пока я размышляла, на карту забрался Фед и цапнул когтем метку с названием.

Минт тоже оказался рядом. Он придвинулся ко мне с явной неохотой, хотя при виде карты глаза у него оживились.

– Если ехать по старой дороге, а потом повернуть на восток, – сказал он. – Но я предлагаю по Вересковой реке...

Рядом с Линдозером виднелась точка, которую я сначала приняла за жирное пятно.

– А это что?

Мы еще плотнее сгрудились над картой, пытаюсь разобрать рисунок, и только когда на карту упала вытянутая тень, подняли головы. Фед стремительно забился ко мне в рукав.

– *Лал*, – Айрике часто-часто заморгала глазами, – *лале кат туталах наскар!*

– Ты знаешь это место?

Минт показал на Линдозеро, но вакханка не торопилась отвечать.

– Она говорит, что слышала дурное про эти места, – сказал Милош, отнимая рожок от губ.

– Я не удивлен, – отозвался Минт, а потом ткнул пальцем в смазанную метку неподалеку от Линдозера. – Расскажите?

Я хотела остановить его, объяснить, что спрашивать про такие места чревато неприятностями, но вакханин уже взгляделся в пятно рядом с Линдозером.

– Так, вот река... вижу... Нет, не узнаю. Хотя погодите...

Милош осенил себя знаменем Странника, и мы с Федом украдкой обменялись взглядами.

– Да, была история.

Вакханин что-то негромко сказал на своем языке. Остальные проделали то же самое, и я поняла: они обращаются к Страннику. И пусть вакханы были народом других земель, но обычаи гостеприимства оказались близки к Светлолесью, и нам, как гостям, они не хотели отказывать. Хотя иной раз ответить на вопросы незнакомцев стоило куда дороже, чем поделиться с ними кровом, одеждой или едой.

И пусть Милош не давал знака, вакханская ребятня отошла от костра.

– Жил в тех краях парень. Не ведаю, чьего рода и кем кому приходился, да только знаю, что, когда началась война Трех Царств и всех мужиков собрали воевать, он тоже ушел. – Милош вздохнул. – Когда столкнулись Ардонийское царство со Святоборийским, всем пришлось туго. У парня была невеста, которая верила, что ее любовь сохранит его от всех невзгод. Через все битвы жених прошел невредимым, но последняя, что состоялась в Вороньем Яру

под Линдозером, стала для него последней. Девушке пришла весточка: ищи своего суженого на погребальном костре...

Я поежилась. Эта война кончилась около десяти зим назад, но ее отголоски все еще гуляют по Светлолесью. Как это знакомо!

– И вот, сидит невеста ночью, слышит, в дверь стучатся, – продолжил тихо Милош. – Она открыла, а там жених стоит. Живой. Невеста жарко его приветила. – Рассказчик позволил себе слабую улыбку. – Но жених поутру засобирался. Девушка в слезы. А жених онемел весь, побледнел и будто задышал еле-еле. Вот первый петух закричал. Жених отбивается, невеста причитает, на шее висит. Петух еще громче кричит, зарю кличет! Прямо под окнами заливаются! Жених силой отбился, да как выбежит в двери! Невеста следом. До околицы добежала и глядит – одни обугленные следы на траве. Опомнилась. Ужель неупокойник приходил? С той поры жениха никто не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.